

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1-2

2018

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2018, № 1–2

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2018, № 1–2

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки».

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Scientific Magazine «Humanitarian, Social and Economic and Social Sciences».

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начального образования факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don state technical university.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan state university, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov state economic university;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal affairs;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Primary Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 2

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс:+7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ THE CHIEF - THE EDITOR

Popov Mikhail Yur'evich,
Ph.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna
Ph.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 2, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax:+7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абуталипов А.Р.</i> Проблемы ресоциализации лиц из числа трудовых мигрантов, содержащихся в исправительных учреждениях и освободившихся из мест лишения свободы	17
<i>Герасимов М.В.</i> Ресурсные возможности глобальной сетивизации для включенности современной русской молодежи в спортивную деятельность	21
<i>Дятлов А.В., Понамарёв А.Б.</i> Онлайн-образование и трансформация роли студента	26

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Дзюба М.А., Гришай Ж.Г., Зенина Ю.М., Гребенюк Д.В., Вовк А.В., Семенихина М.А.</i> Аксиологизация теории общественного развития: социально-философский контекст	35
<i>Зенин К.А., Ширяев А.С., Шатовкина Р.В., Тищенко В.А., Абрамов С.В., Мусаев А.Р.</i> Философия успешности как интегральный компонент социально-экономического развития региона	40
<i>Курносенко А.А., Гришай В.Н., Киясханов М.Х., Костюк В.И., Юрчевский В.В.</i> Системная и факторная детерминация изменений правосознания в современном русском обществе	44
<i>Сыпачев С.В., Тищенко А.В., Беляков С.Г., Корсаков А.Н., Костюк А.В., Сотский А.С.</i> Сублимация творчества в социально-философской онтологии	48

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Велиев З.Б.</i> Риторические стратегии в аспекте юридической лингвистики	55
--	----

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Artur R. Abutalipov</i> Problems of resocialization of migrant workers held in correctional facilities and released from detention	17
<i>Maksim V. Gerasimov</i> Resource capabilities of global networkization for inclusion of modern Russian youth in sports activities	21
<i>Alexander V. Dyatlov, Alexander B. Ponamaryov</i> Online education and transformation of the social role of the student	26

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Marina A. Dzyuba, Zhanna G. Grishay, Yulia M. Zenina, Diana V. Grebenyuk, Anna V. Vovk, Maria A. Semenikhina</i> Axiology of social development theory: social and philosophical context	35
<i>Konstantin A. Zenin, Alexander S. Shiryayev, Rimma V. Shat'kina, Viktor A. Tishchenko, Sergey V. Abramov, Alik R. Mysaev</i> The philosophy of success as an integral component of the socio-economic development of the region	40
<i>Andrey A. Kurnosenko, Vladimir N. Grishai, Magomed H. Kalashnov, Vladislav I. Kostyuk, Vyacheslav V. Yurchevsky</i> Systemic and factor determination of changes in legal consciousness in modern russian society	44
<i>Sergey V. Sypachev, Alexander V. Tishchenko, Sergey G. Belyakov, Alexander N. Korsakov, Anna V. Kostyuk, Alexander S. Sotsky</i> Sublimation of creativity in socio-philosophical ontology	48

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Zahid B. Veliev</i> Rhetorical strategies in the legal linguistics aspect	55
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ ИЗ ЧИСЛА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
И ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**PROBLEMS OF RESOCIALIZATION OF MIGRANT WORKERS HELD
IN CORRECTIONAL FACILITIES AND RELEASED FROM DETENTION**

Абуталипов Артур Ринатович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры правоведения,
Казанский государственный на-
учно-исследовательский
технологический университет
milena.555@mail.ru

Artur R. Abutalipov

Ph.D., Associate Professor,
Department of Law at Kazan State
Research Technological University
milena.555@mail.ru

Аннотация. Проблема трудовой миграции является актуальной для всего мирового сообщества, так как, с одной стороны, трудовые мигранты испытывают многочисленные проблемы, связанные с их адаптацией к жизни в принимающем обществе, а с другой, они являются источником не меньших проблем и для государств, их принимающих, в первую очередь, из-за незнания языка, культуры, законов и традиций страны, в которую они прибыли. Автором статьи уделяется внимание проблемам трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию. Им уделяется внимание проблемам, с которыми они сталкиваются в нашей стране, а также, с проблемами, источниками которых они являются для принимающей стороны. Систематизируя их, он высказывает предложения по совершенствованию деятельностью российской пенитенциарной и постпенитенциарной системы в отношении мигрантов, а также, законодательства стран, с которыми Российская Федерация сотрудничает в этой сфере.

Ключевые слова:

миграция, трудовые мигранты, миграционное законодательство, миграционные диаспоры, миграционная преступность.

Annotation. The problem of labour migration is relevant for the entire world community, as, on the one hand, migrant workers have many problems with their adaptation to life in the host society, and on the other hand, they are a source of no less problems for the States that host them, primarily because of the ignorance of the language, culture and laws of the country in which they arrived. The author of the article pays attention to the problems of migrant workers arriving in the Russian Federation. They are given attention to their problems in our country and also to the problems they are sources for the host. By systemizing them, he proposes to improve the Russian penitentiary and post-penitentiary system for migrants, as well as the laws of countries with which the Russian Federation cooperates in this area.

Keywords: migration, migrant workers, migration legislation, migration diaspora, migration crime.

Интеграционные процессы, развивающиеся между государствами, ранее входившими в состав СССР, продолжают многовековую историческую традицию сотрудничества народов, объединенных идеей процветания государства, гражданами которого они являлись.

Если же коснуться истории этой проблемы, то следует отметить, что в дореволюционной России в советский период отечественной истории проблема правовых взаимоотношений государства и трудовых мигрантов если и возникала, то эпизодически в силу тех причин, что в Российской империи и в СССР миграционные процессы этой категории иностранцев находились под жестким контролем государства и не носили массовый характер, как мы это наблюдаем в современной Российской Федерации.

Развал великой державы Союза Советских Социалистических республик привел к разрыву экономических связей между союзными республиками, ранее входившими в его состав, вследствие которых все они, включая и Российскую Федерацию, оказались в глубоком системном кризисе. Некоторые из этих новых государственных образований в поисках выхода из него выстроили стратегии своего развития в двух направлениях:

- одни из них с разной степенью успешности вошли и предпринимают попытки вхождения в состав Европейского союза (далее, ЕС), а также, в другие европейские и международные организации, стремясь, в том числе, стремясь экономически и политически максимально дистанцироваться от России;

- другие же, стали членами различных структур, которые связывали перспективы своего будущего развития в укреплении разносторонних отношений с государствами, входившими в состав СССР. К ним относятся Союз независимых государств (Далее, СНГ), Евразийский экономический союз (далее, ЕАЭС) и ряд других организаций, деятельность которых отражает стремление и осознание руководителей этих стран, многих их политических лидеров, представителей науки и культуры, общественности необходимости восстановления между ними экономических, политических, научных, культурных и прочих связей в интересах своих народов, которые представлены не только гражданами коренной национальности, но и многочисленным русскоговорящим населением, не только имеющим давние исторические связи с Россией, но и продолжающим общение со своими родственниками, живущими на пространства бывшего СССР. Одним из примеров эффективного сотрудничества между ними стал ЕАЭС, члены которого на протяжении короткого по историческим меркам периода времени добились значительных успехов в многочисленных сферах совместного сотрудничества.

Спустя много лет, прошедших после распада СССР следует отметить то, что попытка ряда бывших союзных республик гармонично влиться в западно-европейский экономический рынок на правах равных партнеров не привело к желаемым результатам, потому что их экономическая деятельность оказалась, в первую очередь, подчиненной интересам ЕС, в результате чего реструктуризация экономик этих стран привела к их глубокому кризису, как по причине их неконкурентоспособности, так и из-за политики меркантилизма и протекционизма, проводимой руководством ЕС по отношению к своим новым членам и тем государствам, которые ориентируют свою экономику на западные рынки сбыта своей продукции, оставив для их граждан рынок сезонных рабочих и трудовых мигрантов, занимающихся низко квалифицированным трудом, в то же время, создавая для представителей интеллектуальной национальной элиты благоприятные условия для ее эмиграции в развитые европейские государства и в США. Не следует забывать и о том, что граждане бывших союзных республик, стремящиеся эмигрировать на Запад, оказались втянутыми в деятельность организованной преступности: в проституцию, наркоторговлю, бандитизм.

В силу выше названных причин, на протяжении нескольких десятилетий российский рынок труда пополняется трудовыми мигрантами из всего ближнего зарубежья по ряду причин:

- попав на Запад, они столкнулись с незнакомой, а порой, и чуждой им культурой, ее традициями, моралью, с непреодолимым языковым барьером, нередко, неприязненным отношением к ним не только со стороны части коренного населения, но и – эмигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока;

- в России же они оказываются не только в знакомом языковом пространстве, но и в близком им ментальности, культуре, историческим традициям, а также, в среде, в основном, с толерантным к ним отношением со стороны принимающего социума.

В то же время, пребывая на территории Российской Федерации, трудовые мигранты сталкиваются с множеством проблем, включая:

- сложность их адаптации к новым условиям жизни за рубежом, в том числе, к культуре, традициям и даже к климату принимающей стороны;

- незнание российского законодательства, во многом, отличающегося от законов, действующих на их родине;

- непростые отношения между диаспорами трудовых мигрантов, работающими в нашей стране, и конкурирующими на рынке труда.

В совокупности, пребывание трудовых мигрантов, помимо их реального позитивного вклада в экономику нашей страны и своей родины, благодаря вывозу заработанных ими средств на свою родину, является источником многочисленных для нашего государства проблем в организационной, социальной, законодательной, эпидемиологической сферах.

К ним мы, также, относим и такую социально-правовую проблему, как ресоциализацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их адаптации к жизни среди законопослушных

граждан [1; 2]. Её актуальность можно аргументировать тем обстоятельством, что интеграционные процессы, развивающиеся между государствами, входящими в состав ЕАЭС, а также, претендующими на вхождение в его состав, привели к тому, что в каждом из них трудятся миллионы трудовых мигрантов, которые не только ведут законопослушный образ жизни, но и, в силу различных обстоятельств, совершают, в том числе и правонарушения, за которые следуют не только административные, но и уголовные наказания с достаточно продолжительными сроками содержания в местах лишения свободы. И эта проблема, как, например, показал кризис 2008–2009 гг., затронувший все постсоветское пространство, обостряется в тот период времени, когда ряды безработных пополняют, в первую очередь, трудовые мигранты, которые в поисках средств для существования, совершают преступления, как на бытовой почве, так и в составе организованных преступных групп. В результате, они оказываются на продолжительное время в незнакомом им социально-культурном и правовом пространстве. В силу этих обстоятельств, они переживают очень тяжелый для них период адаптации к этим условиям существования и к последующей ресоциализации, эффективность которой зависит не только от общей профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений, но и от знания ими культурных, национальных, религиозных особенностей осужденных, выходцев из-за рубежа. С этими проблемами экс-осужденные иностранцы продолжают сталкиваться и в постпенитенциарный период своей жизни в принимающем государстве, когда даже для их депортации из нашей страны требуется определенное время [3; 4].

Учитывая же то обстоятельство, что в Российской Федерации, организация деятельности государственных и общественных структур, занимающихся решением проблем всех категорий экс-заключенных, находится, по нашему мнению, на крайне низком уровне [7], то мигранты, чаще всего, оказывается вне поля их зрения. А это обстоятельство, как свидетельствует криминальная статистика, является одним из условий для совершения ими после выхода на свободу повторных преступлений [5; 6], уходу на рынок нелегальной рабочей силы, в структуры организованной преступности, представленной, в том числе, и национальными криминальными диаспорами. Эта проблема сохраняет в настоящее время высокую актуальность для всех государств из ближнего зарубежья, которые регулярно сталкиваются с ними, вызванными, в том числе, как национальными, и российскими экономическими кризисами, а также, несогласованностью национальных законодательств, касающихся деятельности их пенитенциарной и постпенитенциарной систем в отношении иностранных граждан. Эти обстоятельства требуют координации усилий правоохранительных органов и структур, занимающихся решением проблем адаптации и ресоциализации заключенных – граждан других государств на всех этапах их содержания в местах лишения свободы, а также, их постпенитенциарной реабилитацией и ресоциализацией в период времени после освобождения из мест лишения свободы.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем актуальным в современных условиях следующий комплекс мероприятий, рассчитанных на длительное время, так как это – проблемы, решение которых не терпит отлагательства, назрели давно:

1. Введение при посольствах, консульствах или представительствах МВД зарубежных стран должностей кураторов лиц, содержащихся в местах лишения свободы, для оказания им правовой и социальной поддержки в период заключения, а также, создания при них базы данных, содержащей сведения об этой категории граждан, и материалы о традициях, культуре стран их постоянного проживания и другие источники информации, которые могут оказать помощь сотрудникам исправительных учреждений и представителям других ведомств в работе с этой категорией осужденных.

2. Создание в государствах-членах ЕАЭС в ведомствах, обеспечивающих деятельность исправительных учреждений, структур координирующих свою деятельность в направлениях создания оптимальных условий по адаптации заключенных-иностранцев к существованию в местах лишения свободы и их ресоциализации на разных этапах заключения.

3. Организацию для сотрудников исправительных учреждений курсов переподготовки, повышения квалификации по работе с заключенными-иностранцами, в ходе обучения на которых они должны получить представление об этно-культурных, национальных и религиозных особенностях той страны, выходцами из которой они являются.

4. Привлечение к деятельности государственных учреждений и общественных организаций, занимающихся постпенитенциарной ресоциализацией экс-заключенных из числа иностранцев, представителей этих государств, оказывающих им правовую, материальную и морально-психологическую поддержку на период оформления ими документов для выезда на родину.

Итогом же сотрудничества в этом направлении между государствами, в частности, в настоящее время, входящими с состав ЕАЭС, может стать разработка единого законодательства, регулирующего отношения между ними в направлениях организации деятельности пенитенциарной и постпенитенциарной системы в отношении иностранцев, совершивших преступления за рубежом, и освобожденных из мест лишения свободы.

Литература:

1. Кленова Т.В., Щукина Н.П. Об основаниях и задачах нетипичного нормативного правового акта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. С. 15–25.
2. Князьков А.С. Участие общественности в подготовке осужденных к освобождению из мест лишения свободы и их социальной адаптации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 37–44.
3. Маленчук В.Ф. Пути формирования нравственно-психологической устойчивости осужденного и ее влияние на успешную ресоциализацию после освобождения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. № 1. С. 215–219.
4. Михайлов А.Н. Социально-психологические проблемы лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 47–51
5. Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А. Возвращение? (Пост)пенитенциарный опыт молодых женщин // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 4. С. 485–504.
6. Попова И.В., Албегова И.Ф. Роль общественных организаций как институтов гражданского общества в ресоциализации бывших заключенных в условиях местного социума // Вестник КГУ. 2012. № 5. С. 183–187.

Literature:

1. Klenova T.V., Shchukin N.P. On the grounds and objectives of the atypical legal act «Roadmap of resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served a criminal sentence and released from it» // Law Gazette of the University of Samara. 2018. № 2. P. 15–25.
2. Kniazkov A.S. Public participation in the preparation of convicts for release from prison and their social adaptation // Herald of Tomsk State University. Right. 2015. № 4 (18). P. 37–44.
3. Malenchuk V.F. Ways of forming the moral and psychological stability of the convict and its impact on the successful resocialization after his release // Herald of Kostroma State University. Series: Educators. Psychology. Sociokinetics. 2009. № 1. P. 215–219.
4. Mikhailov A.N. Social and Psychological Problems of Persons Released from Prisons // Applied Legal Psychology. 2016. № 4. P. 47-51.
5. Omelchenko E.L., Sabirova G.A. Return? (Post) The Experience of Young Women // Journal of Social Policy Research. 2012. № 4. P. 485–504.
6. Popova I.V., Albegov I.F. The role of public organizations as institutions of civil society in the resocialization of former prisoners in the conditions of local society // KSU Herald. 2012. № 5. P. 183–187.

**РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИВИЗАЦИИ
ДЛЯ ВКЛЮЧЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В СПОРТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**RESOURCE CAPABILITIES OF GLOBAL NETWORKIZATION
FOR INCLUSION OF MODERN RUSSIAN YOUTH
IN SPORTS ACTIVITIES**

Герасимов Максим Васильевич
соискатель, кафедра теоретической
социологии и методологии региональных
исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
m.gerasimov@ro.ru

Maksim V. Gerasimov
Applicant, Department of Theoretical
Sociology and Methodology of
Regional Studies,
Institute of sociology and area studies,
Southern Federal University
em.gerasimov@ro.ru

Аннотация. В связи с широким распространением социальных сетей, в которых молодежь проводит много времени, педагоги и психологи отмечают новые проблемы в области социализации молодых людей. В данной статье анализируется роль сети Интернет, ставшей частью повседневной жизни современной российской молодежи. Автором рассматривается влияние глобальной сетивизации как ресурса способного повысить включенность российской молодежи в институциональное пространство спорта посредством воплощения специфических функций сетивизации. Демонстрируются возможности сетевого пространства в рамках включенности в спортивную деятельность молодежи.

**Ключевые
слова:**

глобальная сетивизация, современная российская молодежь, спортивная деятельность.

Annotation.

In view of the widespread social networks in which young people spend a lot of time, educators and psychologists note new challenges in the socialization of young people. This article analyzes the role of the Internet, which has become part of the everyday life of modern Russian youth. The influence of global networkization as a resource capable of increasing the involvement of Russian youth in the institutional space of sports through the implementation of specific functions of networkization is considered. The possibilities of the network space within the framework of youth involvement in sports activities are demonstrated.

Keywords:

global networkization, modern Russian youth, sports activity.

С того периода времени, как интернет стал обыденной частью повседневной жизни современного человека, среди специалистов не утихают споры о том, какую роль он играет в организации досуга молодежи. Пожалуй, можно сказать, что преобладают негативные оценки. Сетевое пространство рассматривается в качестве альтернативы реальному пространству, выступая в роли его суррогата, подмены подлинного общения виртуальным [1]. В связи с широким распространением социальных сетей, в которых молодежь проводит много времени, педагоги и психологи отмечают новые проблемы в области социализации молодых людей. Интернет-пространство начинает восприниматься:

- как угроза сложившимся практикам социального взаимодействия;
- подрыв принципов коммуникации в реальном пространстве и перенос его в виртуальное поле.

Особенно четко и категорично подобную позицию занимают специалисты в области спорта. Физическая культура и спорт традиционно связываются в отечественной науке с распространением ценностей здорового образа жизни, физической активностью, стремлением к

телесному и духовному совершенствованию. Интернет-пространству, даже таким его проявлениям, как киберспорт, приписывают совсем иной вектор движения, маршрут которого выстроен в противоположном направлении от означенных выше ценностей. В результате, многие исследователи исходят из установки, что спорт, как социальная практика традиционного характера, разрушается из-за появления глобальной сетевизации, так как свободное время молодежи начинает непропорционально распределяться в пользу сетевого общества.

Проведенный анализ сетевой реальности показывает, что сетевое пространство имеет колоссальный ресурсный потенциал для решения проблем как ценностной сферы молодых людей в отношении готовности принять спорт (дефекты спортивной субъектности), так и обеспечения доступности, чтобы включиться в спортивную деятельность, преодолевая сложившиеся в социуме препятствия. Этот ресурс решает указанные выше проблемы через реализацию трех функций: информационной, аксиологической и коммуникативной.

Подобного рода положение заставляет уйти от шаблонного восприятия сетевых сообществ и всего интернета, в целом, в качестве бессмысленного времяпрепровождения, вредного для здоровья и интеллектуального развития молодежи.

Обратимся вначале к информационной функции, чтобы показать какие информационные ресурсы и каналы передачи информации имеются для того, чтобы раскрыть значимость глобальной сетевизации в обозначенном качестве.

Анализ различных электронных публикаций, а также материалов, содержащихся в социальных сетях, форумах и блогах, показывает, что тематика, связанная со спортом, а также здоровым образом жизни в течение последних лет стала одной из самых популярных и востребованных в Интернете. Так, в настоящее время в сети присутствует большое количество групп, которые содержат информацию о различных физических упражнениях, диетах, правильном питании и т.д. Примерами таких групп являются «90-60-90/Спортивные девушки» (5 343 345 подписчиков), «40 кг» (4 659 456 подписчиков), «0% жирности» (3 075 500 подписчиков). В то же время, как отмечают А.А. Лисенкова и А.Ю. Мельникова, проблемой таких пабликов является подмена стандартов красоты и здоровья [2]. Под воздействием информации, содержащейся в данных группах, в сознании девушек формируются представления о том, что неотъемлемым атрибутом красоты и здоровья является чрезмерная худоба, а у юношей может сложиться мнение, согласно которому популярностью у противоположного пола пользуются исключительно мужчины с развитой мускулатурой, похожие на чемпионов по бодибилдингу. Очевидно, что подобного рода информация может причинять определенный вред здоровью молодых людей, иметь серьезные негативные последствия для физического развития юношей и девушек.

В сети Интернет в настоящее время содержится огромное количество информации, включающей рекомендации лицам, занимающимся физической культурой и спортом, рекламу различных школ и спортивных сообществ, предлагающих за короткий временной промежуток достичь высоких спортивных результатов (например, в течение нескольких месяцев подготовиться и пробежать марафонскую или сверхмарафонскую дистанцию). Попытки практической реализации подобных рекомендаций и тренировочных программ также могут иметь негативные последствия для здоровья неподготовленных спортсменов-любителей. Развитию массового молодежного спорта в современной России в значительной степени препятствует его коммерциализация: абсолютное большинство спортивных услуг сейчас предоставляется за плату (это касается как посещения спортивных клубов и центров, так и участия в массовых спортивных соревнованиях, участники которых должны платить стартовые взносы). В настоящее время от органов государственной власти и органов местного самоуправления, ответственных за развитие массового спорта, требуются существенные усилия, направленные на создание сети бесплатных спортивных клубов по месту жительства, а также оказание соответствующей информационной поддержки населению в организации занятий физической культурой и спортом. Помимо этого, вовлечению молодежи в систематические физкультурные и спортивные занятия должны способствовать популяризация здорового образа жизни, физической культуры и спорта в образовательных и других учреждениях, широкое использование возможностей сети Интернет для пропаганды эффективных физкультурно-оздоровительных систем.

Главным звеном информационного пространства интернет в локациях спортивной тематики являются специализированные газеты. В России имеются две ведущие федеральные спортивные газеты, выходящие как на бумаге, так и в электронном формате: «Спорт-экспресс» и «Советский спорт». По сути, они действуют как масштабные интернет площадки, обеспечивающие самые разные формы подачи информации. Это, собственно, сама газета, отдельные сегменты по видам спорта, профессиональным лигам, наиболее популярным соревнованиям

(чемпионаты мира и Европы, олимпийские игры, кубки мира и т.п.), а также специализированный новостной поток, подключенный к каждой тематической ветке информационного портала. По такому же принципу действуют и такие спортивные новостные порталы, как Sports.ru, Championat.com, Спорт.РИА.Новости, РБК-Спорт, Sportbox, Eurosport и др. В значительной степени они удовлетворяют потребность читателей в получении информации о жизни в мире спорта, коммуникативную потребность в общении, демонстрации собственной осведомленности и даже являются клапаном для «выпуска пара», чтобы снизить градус социального напряжения. Но, при этом, информационные порталы являются важнейшей сетевой площадкой, обеспечивающей концентрацию внимания молодежи из разных регионов на спортивной тематике, не позволяя вытеснить спортивные ценности на периферию социальных потребностей и интересов, где они перестанут играть роль фактора, обеспечивающего вектор устремленности в сторону спортивных ценностей. Спортивные газеты и информационные порталы, привязанные к ним и существующие отдельно, это – важнейшая часть информационной инфраструктуры. Они играют огромную роль в институционализации информационного поля спортивной жизни.

В настоящее время большую роль в создании необходимого информационного поля, где продуцируется спортивный контент самого разнообразного содержания, играют блоги. Этот источник информации представляет собой веб-сайт, который создает и ведет блогер, как основной ньюсмейкер данного ресурса [3]. Законодательно блог приравнен к средству массовой информации, если в течение суток на страницу к владельцу веб-сайта заходит не менее трех тысяч человек. Если данный ресурс обеспечивает такой уровень популярности в сети, то на него распространяются нормы российского законодательства, регулирующие СМИ. В блоге размещаются информационные сообщения, аналитика, фотографии, видеоролики [4]. Чаще всего, под размещенным контентом предоставляется возможность оставлять комментарии, что обеспечивает его функционирование как открытой площадки для свободного обмена мнениями. Блогер имеет функции администратора. Поэтому он же, как правило, осуществляет модерирование своего ресурса. Чаще всего, блоги имеют тематический характер и посвящены определенному виду спорта [5]. Чтобы быть в курсе всех обсуждаемых вопросов и иметь возможно мгновенно на них реагировать, а также, для того, чтобы в максимально короткий срок получить доступ к размещенной на веб-сайте информации, блогеры организуют возможность подписки на свою деятельность. Блог обладает не столь масштабным потенциалом для формирования информационного пространства, как, например, спортивная газета, но у него имеются преимущества другого рода. Блогеры используют демократичную речь, их информация эмоционально окрашена, а приемы для её передачи в значительной степени аффективны. Именно через такие возможности обеспечивается популярность блогеров и дальнейшее расширение этого источника в информационном пространстве сети интернет, предметно посвященном спорту. Есть четкая тенденция, указывающая на дальнейший рост количества такого рода веб-сайтов и, соответственно, перехода пользователей в режим блогосферы [6].

Сайты спортивных команд – не менее важный, чем газеты и информационно-новостные порталы, инструмент информационной структуры в мире спорта. В настоящее время каждая спортивная команда, находящаяся в верхних дивизионах спортивных профессиональных лиг, имеет свой собственный сайт. Их регулярными посетителями являются миллионы болельщиков. Спортивные группы в социальных сетях и мессенджерах – это совершенно особый источник информации. От рассмотренного выше они имеют очень существенные различия. Прежде всего, несхожесть проявляется в наличии тесной связи между участниками. Спортивные группы в ФБ, ВК, Инстаграме и других социальных сетях, а также мессенджерах создаются не только для информационного обмена, но и для контактного взаимодействия. Информация при этом имеет опосредованный характер и переносится в сетевое пространство с четко определенной целью. Более подробно этот аспект проблемы будет рассмотрен нами на примере характеристики третьей, коммуникативной функции. Значительная часть групп такого рода имеет закрытый характер, их состав регулируется пользователем с функциями администратора [7]. В связи с этим, занимая важное место в обеспечении информационного пространства для спортивной жизни, они не столь заметны в глобальной сети как другие рассмотренные нами выше источники информации [8].

Далее обратимся к аксиологической функции глобальной сетевизации, реализация которой выражается в создании условий для пропаганды спортивных ценностей, популяризации спорта в массовом сознании. Действие данной функции становится возможным благодаря тому, что в сетевом пространстве образовалось необходимое информационное поле, на котором заинтересованные социальные акторы могут использовать соответствующие ресурсы для ра-

боты с сознанием молодежи, преследуя в качестве конечной цели вовлечение российской молодежи в спортивную деятельность.

Ресурсы интернета в контексте пропаганды здорового образа жизни последние годы активно изучаются А.Д. Паутовым и Н.Р. Валитовой [9]. Указанные специалисты выявили несколько особенностей интернет-коммуникаций, которые можно с большим успехом использовать для развития у молодежи спортивных ценностей. Значимость интернета в указанном качестве проявляется, прежде всего, в том, что он стал для молодежи ведущим источником информации.

Далее, обратимся к коммуникативной функции глобальной сетевизации, которая реализуется в ходе непосредственного взаимодействия социальных акторов, где одна часть процесса спортивной деятельности протекает в виртуальном пространстве, а другая – в реальном. Говоря о коммуникативной функции глобальной сетевизации, нельзя не обратить внимание на то, что её проникновение в практику повседневного общения сказывается на существенном облегчении социальным акторам таких способов взаимодействия, которые необходимы для проведения элементарных организационных мероприятий, важных участия в спортивной деятельности. Так, создание закрытых групп в мессенджерах выступает важнейшим фактором поддержания мотивации для проведения спортивных турниров или разовых встреч по игровым видам спорта. До появления такого ресурса подбор игроков в любительские команды вызывал определенные затруднения. Администратор за день до игры знает, сколько будет участников, в какое время пройдет матч, какой зал для игры или площадку необходимо арендовать, сколько примерно каждый из участников должен заплатить за предоставленную ему услугу. Через интернет можно подыскивать отдельных игроков или целые команды, договариваться о разовых турнирах или систематических встречах в определенное время, организации чемпионатов или кубковых турнирах. В целом, необходимо отметить, что сетевое пространство обладает огромным потенциалом для качественной организации и проведения мероприятий спортивного характера.

Пессимистические прогнозы о том, что спорт, как социальная практика традиционного характера, в условиях глобальной сетевизации будет разрушаться из-за непропорционального распределения свободного времени молодежи в пользу сетевого общества, не подтверждаются. Анализ процессов, протекающих в условиях сетевого пространства, показал, что его можно рассматривать в качестве ресурса, обеспечивающего включенность российской молодежи в спортивную деятельность. Глобальная сетевизация имеет колоссальный ресурсный потенциал для решения проблем как ценностной сферы молодых людей в отношении готовности принять спорт (дефекты спортивной субъектности), так и обеспечения доступности участия в спортивных мероприятиях. Этот ресурс решает указанные выше проблемы через реализацию трех функций: информационной, аксиологической и коммуникативной. Воплощение информационной функции сопровождается созданием институционализированного пространства, включающего в себя самые разнообразные источники информации, предметно посвященные спортивной жизни. Это – размещенные в электронной среде спортивные газеты (или спортивные рубрики общетематических газет), блоги, сайты спортивных команд, спортивные группы в социальных сетях и мессенджерах. В рамках аксиологической функции глобальной сетевизации создаются условия для пропаганды спортивных ценностей, популяризации спорта в массовом сознании. Коммуникативная функция осуществляется в ходе непосредственного взаимодействия социальных акторов, где одна часть процесса спортивной деятельности протекает в виртуальном пространстве, а другая – в реальном. При этом посредством сети обеспечивается создание спортивных групп, происходит формирование спортивных команд, обсуждается место встречи, выбор спортивных объектов, взаимная поддержка участников спортивных сообществ и т.п.

Литература:

1. Алимova А.А. Фантазм как отчуждение реальной личности в интернет-социализации // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 1. С. 85–89; Горюнов П.Ю., Гребенщиков И.В. Контентные риски и вызовы интернет социализации: значимые кейсы // Молодежная Галактика. 2018. № 15. С. 70–86.
2. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 325–330.

3. Паутов А.Д., Пушкарева Л.Г. Спортивный блок как новая форма коммуникации с болельщиком / Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 32–34.
4. Остапенко Ю.Е., Паутов А.Д. Типология спортивных видеоблогов на видеохостинге «YOUTUBE» / Молодежь в новом тысячелетии: проблемы и решения. Омск : Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 2018. С. 35–38.
5. Паутов А.Д., Валитова Н.Р. Особенности продвижения сферы спорта в сети интернет (на примере блогосферы) // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. 2017. Том 20. № 1. С. 80–84.
6. Фролов В.В. Особенности развития и деятельности спортивных интернет-изданий в России / Актуальные проблемы исследований коммуникативных аспектов PR-деятельности и журналистики. Псков : Псковский государственный университет, 2018. С. 147–147.
7. Князев А.А., Мuryюкина Е.В. Потенциал российских медиатекстов в развитии спортивной культуры молодежи // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 3.
8. Алексина А.О., Крашенинникова А.И., Иванова Л.А. Продвижение услуг физической культуры и спорта через интернет ресурсы // OlimPlus. 2017. № 2. С. 77–79.
9. Паутов А.Д., Валитова Н.Р. Интернет-коммуникации как фактор пропаганды физической культуры и спорта // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. 2016. Том 16. С. 96–99.

Literature:

1. Alimova A.A. Phantasm as an alienation of a real person in Internet socialization // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. 2018. Series: Pedagogy. Psychology. 2018. № 1. S. 85–89; Goryunov P.Yu., Grebenshchikov I.V. Content risks and challenges of Internet socialization: significant cases // Youth Galaxy. 2018. № 15. P. 70–86.
2. Lisenkova A.A., Melnikova A.Yu. Social networks as a factor of active influence on the formation of youth values // Russian Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. № 4. P. 325–330.
3. Pautov A.D., Pushkareva L.G. Sports block as a new form of communication with a fan / Modern media in the context of information technology. St. Petersburg : Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2018. P. 32–34.
4. Ostapenko Yu.E., Pautov A.D. Typology of sports video blogs on the video hosting «YOUTUBE» / Youth in the new millennium: problems and solutions. Omsk : Siberian State University of Physical Culture and Sports, 2018. P. 35–38.
5. Pautov A.D., Valitova N.R. Features of the promotion of sports in the Internet (on the example of the blogosphere) // Scientific works of the Siberian State University of Physical Culture and Sports. 2017. Vol. 20. № 1. P. 80–84.
6. Frolov V.V. Features of the development and activities of sports online publications in Russia / Actual problems of research on the communicative aspects of PR-activity and journalism. Pskov : Pskov State University, 2018. P. 147–147.
7. Knyazev A.A., Muryukina E.V. The potential of Russian media texts in the development of youth sports culture // Crede Experto: transport, society, education, language. 2017. № 3.
8. Aleksina A.O., Krasheninnikova A.I., Ivanova L.A. Promotion of physical education and sports services through Internet resources // OlimPlus. 2017. № 2. P. 77–79.
9. Pautov A.D., Valitova N.R. Internet communications as a factor in the promotion of physical education and sports // Scientific works of the Siberian State University of Physical Education and Sports. 2016. Vol. 16. P. 96–99.

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ СТУДЕНТА

ONLINE EDUCATION AND TRANSFORMATION OF THE SOCIAL ROLE OF THE STUDENT

Дятлов Александр Викторович
доктор социологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет
Avdyatlov@yandex.ru

Alexander V. Dyatlov
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Southern Federal University
Avdyatlov@yandex.ru

Понамарёв Александр Борисович
аспирант,
Южный федеральный университет
Kalvarus94@gmail.com

Alexander B. Ponamaryov
Postgraduate Student,
Southern Federal University
Kalvarus94@gmail.com

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать влияние онлайн-образования на социальную роль студента в контексте изменения процесса его социализации. Авторы утверждают, что в российской высшей школе во времена неопределенности и недоверия населения к социальным институтам интенсифицируется роль преподавателей и студентов как агентов социализации. Социальная роль студента преподносится авторами как одна из множества ролей, которые в жизни может сыграть человек и утверждается, что морально-нравственные ориентиры, усвоенные во время студенчества, являются социально-полезными и оказывающими долгосрочный положительный эффект на будущие социальные взаимодействия индивидов. Рассмотрена роль преподавательского состава как основного агента социализации студентов и инициаторов в университетскую среду, проанализирована роль студенческой сферы в процессе социализации, наращивания горизонтальных связей и установлений полезных знакомств. Сделан вывод о том, что эффективность социализации студентов зависит от плотности контакта с вышеописанными агентами, а сокращение этого контакта создает препятствия для усвоения статусно-ролевых доминант студентов. На этом авторы основывают свой вывод о том, что российская высшая школа, являющаяся наследником советской, самовоспроизводится за счет инициации студентов в университетскую среду посредством живого контактного общения, которое будет значительно снижено при широком внедрении онлайн-образования. Делается вывод о том, что препятствие устоявшимся социализационным практикам может значительно изменить сущность социальной роли студента в худшую сторону, так как сама концепция онлайн-образования, дистанционности и опосредованности противоречит основным столпам существования российской высшей школы.

Ключевые слова:

онлайн-образование, дистанционное образование, образовательная реформа, социализация, социальная роль, студенчество, социальный статус.

Annotation.

This article attempts to analyze the influence of online education on the social role of a student in the context of changing the process of his socialization. The authors argue that the role of teachers and students as agents of socialization intensifies in Russian higher education in times of uncertainty and mistrust of social institutions. The social role of students is presented by the authors as one of the many roles that a person can play in life, and it is argued that moral and ethical guidelines are learned during studentships are socially useful and have a lasting positive effect on future social interactions of individuals. The role of the teaching staff as the main

agent of socialization of students and initiators in the university environment is considered, and the role of the student sphere in the process of socialization, building horizontal connections and establishing useful dating is analyzed. It is concluded that the effectiveness of students' socialization depends on the density of contact with the agents described above, and the reduction of this contact creates obstacles to the assimilation of students' in the university. The authors base their conclusion on the fact that the Russian higher education, which is the heir to the Soviet one, is self-reproducing by initiating students into the university environment through live contact communication, which will be significantly reduced with the widespread introduction of online education. It is concluded that an obstacle to well-established socialization practices can significantly change the essence of the student's social role for the worse, since the very concept of online education, distance and mediocrity contradicts the main pillars of Russian higher education.

Keywords: Online education, distance education, educational reform, socialization, social role, students, social status.

Современная социальная реальность стремится к цифровизации и уходу в онлайн, о чем свидетельствуют многочисленные изменения, происходящие в повседневных социальных практиках, в которых стабильно наблюдается увеличение доли глобальной сети в коммуникации, торговле, политике, экономике и прочих сферах жизни. В рамках интенсивно протекающих глобализационных процессов почти все страны хотят не отстать в гонке инноваций, чтобы не упустить присущую им экономическую выгоду. Это порождает реформы в различных социальных институтах, в том числе, считающихся наиболее устойчивыми к изменениям. Образование традиционно считается одним из важнейших социальных институтов, задействованных в процессе социализации личности. Этот процесс, зачастую ассоциируется с передачей молодому поколению наиболее положительных, в общепринятом понимании, нравственных ориентиров, норм и правил, помогающих молодёжи адаптироваться к жизни в социуме.

Описанные выше социально-полезные нормы, усваиваемые индивидами во время образовательного процесса, ассоциируются с «классическими, традиционными и вечными», среди которых находится трудолюбие, дисциплина, любовь к знаниям, стремление к истине и тому подобные ценности, следование которым позволяет молодым людям успешно реализовывать себя в обществе, где подобные ценности имеют высокую значимость. Однако современная социальная реальность, приобретает все более ярко-выраженные неолиберальные оттенки, пришедшие в Россию в результате глобализации [1]. На смену четкому регулированию и нормированию, характерному для Советского Союза, приходит турбулентность и неопределенность, являющаяся плодом рыночной экономики. Из-за этого резкого социально-экономического перехода неизбежно начинают меняться социальные практики всех российских граждан. Это, в свою очередь, означает, что ценности и нормы, задающие паттерны их поведения, тоже меняются на более волатильные и оппортунистские [2].

Российская образовательная система столкнулась с необходимостью перестать создавать «строителей коммунизма» и перейти к воспитанию, так называемых, Homo economicus – людей экономических, то есть, рациональных, знающих цену себе и своему труду субъектов рыночных отношений. Подобные переходы редко осуществляются своевременно и можно сказать, что из-за социальной инерции российская образовательная система была изменена на институциональном уровне, но осталась верна своим идеологическим корням – идее воспитания порядочных, умных и ответственных людей [3]. Это, в первую очередь, объясняется тем, что преподавательский состав школ и ВУЗов в абсолютном большинстве состоит из тех, кто был выучен по советской системе и сознательно или бессознательно продолжает нести её идеалы через учеников и студентов. Таким образом, система образования РФ находится в двойственной ситуации: формально она работает по новым лекалам, но, фактически, из-за советской социальной инерции преподаватели несут наследие советской образовательной системы через свои уроки и лекции. Российские студенты социализируются, по сути, в рамках советской высшей школы, преодолевающей все институциональные перемены и живущей в преподавательском составе, транслирующей ценности молодому поколению. Описанная выше социальная инерция могла бы и дальше быть своеобразным «чудом», которое проявляется в постоянно оптимизируемой и реформируемой российской образовательной системе, если бы не перспектива массового внедрения так называемого «онлайн-образования» в ВУЗы страны.

В рамках данной статьи мы очертим основные доминанты, определяющие социальную роль российского студента, и проанализируем, каким образом она может измениться в рамках очередной ветки реформ и оптимизаций, целью которых будет сокращение контактных часов с преподавателями и увеличение самостоятельной работы с цифровыми материалами.

Начнем с рассмотрения позиции «студент» в иерархической лестнице социальных ролей, которые исполняет любой индивид. По Веберу, социализация понимается как процесс освоения социальных ролей, умелое исполнение которых позволит человеку найти свое место в обществе. [4]. При этом человек, являющийся актёром, исполняющим социальные роли, не привязан лишь к одной. Они могут взаимодействовать или конфликтовать друг с другом, сосуществуя в единый момент времени, однако нормы и ценности, которые были усвоены индивидом в рамках одной роли, чаще всего, не могут бесследно исчезнуть во время его перехода к другой и оставляют на нем своеобразный «остаток» всего, что было усвоено во время её исполнения. В качестве примера возьмем студента, который стал родителем. Хотя его социальная роль изменилась, и он перестал быть студентом, он все равно сохраняет за собой воспоминания о своих студенческих годах и всем накопленном за их время опыте, конвертирующимся в его символический капитал, который, в современной социальной реальности может считаться мерилем ценности личности [5]. Основываясь на этом, можно смело заявить, что опыт, полученный во время исполнения социальной роли «студент», имеет долгоиграющий эффект, оказывающий влияние на всю его дальнейшую жизнь и социальные интеракции. Самым поверхностным и очевидным влиянием будут полученные им во время обучения профессиональные навыки и компетенции, но не менее важными являются приобретенные им в студенчестве духовно-нравственные ориентиры. Образование не является монополистом в продуцировании этих ориентиров, но занимает в нем важное место, так как именно в сфере высшего образования индивид проявляет осознанность и волевой выбор, связанный с будущей профессией и подготовкой к взрослой жизни. Из всего вышеописанного следует, что если в истории, «сыгранных» индивидом социальных ролей, имеется роль студента, то это значит, что им, в той или иной форме, были усвоены определенные нравственные и духовные ориентиры, которые станут его компасом в навигации взрослой жизни.

Рассмотрим эти ориентиры подробнее и начнем с основных агентов их трансляции. Ими являются преподаватели и студенческая сфера. Роль преподавателя в российской высшей школе, являющейся наследником советской, вполне очевидна: процесс передачи знаний и компетенций сопряжен с воспитательным элементом, являющимся отголоском советской образовательной системы. Она, в частности, проявляется в заинтересованности в судьбе студентов, явным или неявным попыткам их мотивации, привлечение к научной работе, инициация в мир научных конференций и прочие активности, которые ассимилируют бывшего школьника в члена университетской среды [6]. Стоит отметить, что ситуация неопределенности в стране усиливает роль преподавателей как координаторов личного роста студента. Объясняется это, в первую очередь тем, что бывший абитуриент, а ныне студент-первокурсник не прошел процесс принятия на себя студенческой роли в полной мере, он зачастую не знает, чего хочет от жизни и своей профессии, а иногда ему нужна помощь в «акклиматизации» к новой роли. Именно в этом заключается роль преподавателя ВУЗа в социализации студентов: они являются не просто профессионалами, которые за плату передают знания студентам, но и исполняют социально-важную функцию своеобразных проводников молодых людей в университетскую среду.

Вторым важнейшим агентом социализации студентов является, так называемая, «студенческая среда», под которой мы понимаем различные студенческие движения, отношения с однокурсниками и другими студентами, как в рамках академической деятельности, так и в свободное время. Взаимовыручка студентов и командная работа позволяет установить горизонтальные связи, наладить межличностные отношения и привнести в жизнь студента новые знакомства и активности [7]. Внеаудиторная деятельность, включающая в себя участие в самодеятельности, клубах, студенческих организациях позволяет интенсифицировать социализацию и наладить отношения со сверстниками, которые могут в будущем стать коллегами во взрослой жизни. Из всего вышеописанного кристаллизуются нравственно-моральные ориентиры, являющиеся остатками статусно-ролевых: целеустремленность, любовь к познанию, умение работать с источниками информации, аналитическое и критическое мышление, работа в команде, взаимовыручка и дисциплина. Это – лишь одни из многих вещей, которые на сознательном или бессознательном уровне проявятся в поведении индивида, который примерил на себя роль студента. Очевидно, что все описанные выше ориентиры являются социально полезными, и государству, и обществу выгодно, чтобы как можно большее количество молодых людей приобрело

себе подобные установки. Обращаем внимание на то, что преподаватели и студенты, иницируемые в этот процесс коммуникации, общаются «контактно», то есть, лично, в стенах университета. Объясняется это не только отсутствием технической базы для онлайн общения, но и, в целом, предпочтением россиянами общения межличностного и традиционного [8]. В России, в эпоху посткризисной экономики и неопределенности население утрачивает веру в обезличенные институты и верит в людей, олицетворяющих собой эти институты. Таким образом, студенты во время своей социализации приобретают необходимый опыт и знания не через обезличенный университет, а через людей, ведущих в нем активную деятельность. В настоящее время это, в первую очередь, преподаватели и другие студенты. Эффективность процесса социализации студентов зависит, в том числе, от близкого контакта с агентами социализации, чем он теснее, тем интенсивнее происходит передача необходимых статусно-ролевых установок молодым студентам.

Итак, российская высшая школа является наследником советской и плодом синтеза рыночной образовательной системы и традиционной научной школы. Социальная роль студента приобретается путем процесса социализации, происходящей в университетской среде, основными акторами которой являются преподаватели, ученые и студенты. Их взаимодействие позволяет молодому человеку принять на себя роль студента и приобрести как профессиональные компетенции, так и общечеловеческое гуманистическое развитие, которое может оказать положительное влияние на все его будущие социальные практики во время работы, семейной жизни и прочих активностей и интеракций с социумом. Установлено, что российская высшая школа является традиционной и вкуче с особенностями культурно-ментального кода россиян эффективно работает во время межличностного контакта индивидов в университетской среде. Из всего вышеописанного следует, что российское высшее образование, хоть и сталкивается со снижением финансирования и регулярными сокращениями профессорско-преподавательского состава, имеет определенный синергетический эффект, достигаемый университетской средой.

Перейдем к рассмотрению перспектив влияния повсеместного введения онлайн-образования на социальную роль студента. Цифровое образование, получившее широкое распространение в западных коммерческих ВУЗах, привлекло внимание российских законодателей своей дешевизной и широтой охвата. Это позволяет удобным способом решить множество проблем, среди которых – проблема финансирования образовательной деятельности, а также, повышение охвата высшего образования [9]. Первая проблема легко объясняется недостатком бюджетных средств на удовлетворение всех потребностей образовательной системы и поэтому предопределяет неизбежную необходимость оптимизации расходов на них, а вторая уходит в пагубную тенденцию российских бюрократизированных институтов к имитации активной и успешной деятельности. Логика проста: образование станет дешевле, его доступность увеличится, а значит – и количество дипломированных специалистов тоже увеличится. Однако вышеописанная логика обладает чертами искаженного менеджеризма, уделяющего внимание количественному, но не качественному аспекту [10]. Из этого следует, что, соотнеся тенденцию к цифровизации российского образования, и то, как функционирует высшая школа в настоящий момент, можно предположить, что процесс социализации студентов неизбежно трансформируется.

Остановимся на последствиях этой трансформации подробнее. Онлайн-образование, в первую очередь, характеризуется сокращением контактной работы студентов с преподавателями и увеличением самостоятельной работы, основанной на изучении унифицированных учебных материалов, записанных в формате видеолекций и онлайн тестирований [11]. Сокращение контактных часов приводит к потере воспитательного и координационного элемента работы преподавателей. Сокращение личного общения с живым преподавателем в аудитории и сведение его к онлайн конференциям в Zoom или Microsoft Teams не позволяет установить тех связей, которые необходимы для того чтобы студент смог вовлечься в университетскую среду, заинтересоваться изучаемым предметом и захотеть познакомиться с научной деятельностью. Преподаватели, в свою очередь, неизбежно теряют возможность контролировать успеваемость студентов и «отрываются» от них, теряя на них почти всё влияние. Иными словами, преподаватель, традиционно являющийся субъектом образовательного процесса, становится просто проверяющим качество выполнения домашних заданий и консультантом. Студент, не ставший объектом трансляции описанных выше социально-полезных нравственно-моральных ориентиров, не сможет принять их в себя и сделать частью своего символического капитала. Коммуникационные традиции россиян диктуются их традиционным культурно-ментальным кодом, задающим тенденцию к живому межличностному общению.

Онлайн-образование, снижающее это общение, неизбежно приведет к тому, что в высшей школе прервется цепь преемственности и инициации активных студентов в университетскую среду, научную деятельность и прочие академические активности. С аналогичными проблемами столкнется и студенчество в рамках онлайн-образования. Сокращение часов межличностного взаимодействия студентов друг с другом не позволит им сформулировать горизонтальные связи, так необходимые в будущей взрослой жизни. В этом видится явное противоречие, ведь, так называемый, «нетворкинг» (установление контактов) – важнейшая часть жизни молодежи в эпоху глобализма, и она будет также повреждена из-за ухода в онлайн. Командная работа, взаимовыручка и прочие полезные для молодого человека вещи намного сложнее реализовать со студентами, которых видно лишь на экране монитора, и из этого можно сделать вывод, что второй агент социализации студента также утратит свою потенцию, так как потеряет инструменты вовлечения индивида во внеакадемическую деятельность.

Подводя итоги, важно сделать вывод о том, что внедрение онлайн-образования в ВУЗы и сокращение контактных часов с преподавателями влияет на процесс социализации молодого человека, принимающего на себя роль студента. Из этого следует, что роль студента изменится и приобретет качественно новую форму, лишаящую возможности стать одним из субъектов высшей школы и студенчества. Вероятно, что изменятся и доминанты, формирующие статусно-ролевой набор студента и такие ориентиры, как дисциплинированность, командная работа, стремление к знаниям, аналитическое и критическое мышление могут замениться на противоположные им: умение обходить требования при помощи цифровых средств, пользоваться поисковыми системами для решения любой проблемы, отсутствие интереса к учебе. В российских ВУЗах интерес к учёбе и науке поддерживают преподаватели, а стремление к взаимопомощи и командной работе держится на студентах. Мы считаем, что при потере активного контакта с этими агентами социализации студентов изменится и сам процесс их вторичной социализации, несущий в себе общественно-полезные нравственно-моральные ориентиры. В таком случае можно задуматься о том, является ли тот, кто обучается вне университетской среды настоящим студентом или потребителем образовательных услуг?

Цифровизация образования может иметь положительные стороны, если она является вспомогательным элементом, улучшающим качество жизни студентов и облегчающей работу преподавателям, но сущностное изменение функционирования университетской среды и её устоявшихся механизмов социализации неизбежно приведет к трансформации статусно-ролевых моделей российских студентов и не позволит высшему образованию продуцировать интеллектуальную элиту в привычном для нас виде.

Литература:

1. Кочерыгин А.Н. Глобализация и проблемы образования // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2009.
2. Зверев А.И., Брезгина М.О. Роль студента-отличника в контексте социологического анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272).
3. Вольчик В.В., Скорев М.М. Институциональная инерция и развитие российской системы образования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003, Т. 1. № 4.
4. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
5. Мартиросян К.М. Символический капитал и идентичность // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38).
6. Вековцева Т.А. Многообразие профессиональных ролей современного преподавателя вуза // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43).
7. Виноградов Р.С. К вопросу о социализации студентов вузов // Наука и современность, педагогические науки. 2011. № 3.
8. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта, Наука, 2006.
9. Щелкунов М.Д. Образование в эпоху глобализации // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 2.
10. Тузиков А.Р. Высшее образование и «скрытое обаяние» менеджериума // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2016.
11. Стриженко А.А. Онлайн-образование: теория и практика // Экономика Профессия Бизнес, 2016.

Literature:

1. Kocherygin A.N. Globalization and Educational Problems // Humanitarian: Actual Problems of Humanities and Education. 2009.
2. Zverev A.I., Brezgin M.O. The role of the student in the context of sociological analysis // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. № 18 (272).
3. Volchik V.V., Skorev M.M. Institutional Inertia and Development of Russian Education System // Economic Bulletin of Rostov State University. 2003. V. 1. № 4.
4. Weber M. Selected works: translated for german. M. : Progress, 1990.
5. Martirosyan K.M. Symbolic capital and identity // International Scientific Research Journal, 2015. № 7 (38).
6. Vekovtseva T.A. The diversity of professional roles of a modern university teacher // World of Science, Culture, Education. 2013. № 6 (43).
7. Vinogradov R.S. To a question about socialization of the university students // Science and modernity, pedagogical sciences. 2011.
8. Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. Russian: communicative behavior. M. : Flinta, Nauka, 2006.
9. Shchelkunov M.D. Education in the epoch of globalization // Bulletin of economics, law and sociology. 2008. № 2.
10. Tuzikov A.R. Higher education and «hidden charm» of managerism // Problems of activity of scientist and scientific teams. 2016.
11. Strizhenko A.A. Online education: theory and practice // Economics Profession Business. 2016.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

**АКСИОЛОГИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ**

**AXIOLOGY OF SOCIAL DEVELOPMENT THEORY:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT**

Дзюба Марина Анатольевна

кандидат социологических наук, доцент,
проректор,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Marina A. Dzyuba

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Vice-rector
Yessentuki Institute
management, business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гришай Жанна Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент,
Ессентукский институт
управления бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Zhanna G. Grishay

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
Yessentuki Institute Department
of business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Зенина Юлия Михайловна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Yulia M. Zenina

Applicant,
Essentuki Institute management,
business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гребенюк Диана Валерьевна

соискатель кафедры философии
и социологии,
Адыгейский государственный
университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Diana V. Grebenyuk

Candidate of the Department of philosophy
and sociology,
Adyghe state University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Вовк Анна Владимировна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Anna V. Vovk

Applicant,
Essentuki Institute
management, business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Семенихина Мария Андреевна

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Maria A. Semenikhina

Applicant,
Essentuki Institute
management, business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

В современном обществознании складывается устойчивое представление о том, что в настоящее время происходит переход от одного типа общественного развития к другому, который сопровождается сменой типов рациональности культуры, возникновением нового сочетания сосуществующих традиционных, классических и неклассических теоретических моделей общественного разви-

тия. В статье отмечается, что социальные теории классического типа, базируясь на общенаучной методологии, всегда требовали ясности в способах или процедурах, обеспечивающих, безусловно, твердые, неоспоримые основания для знания. Требования обоснованности и рациональности являются двумя фундаментальными, описательно-оценочными принципами, имманентными самой сути теоретического знания об обществе. Наличие философской методологии исследования является существенным признаком рационального, как строго определенного и единственно возможного способа в исследовании путей развития общества.

Ключевые слова:

сознание, теория познания, прогнозируемая реальность, философская методология.

Annotation.

In modern social science there is a strong perception that there is now a transition from one type of social development to another, which is accompanied by a change of types of rationality of culture, the emergence of a new combination of coexisting traditional, classical and non-classical theoretical models of social development. The article notes that social theories of the classical type, based on general scientific methodology, have always required clarity in the methods or procedures that provide, of course, solid, undeniable grounds for knowledge. The requirements of reasonableness and rationality are two fundamental, descriptive and appraisal principles, immanent of the very essence of theoretical knowledge about society. The presence of a philosophical methodology of research is a significant sign of rational, as strictly defined and the only possible way in the study of the ways of development of society.

Keywords:

consciousness, theory of cognition, predictable reality, philosophical methodology.

В современном общественном сознании складывается устойчивое представление о том, что в настоящее время происходит переход от одного типа общественного развития к другому, который сопровождается сменой типов рациональности культуры, возникновением нового сочетания сосуществующих традиционных, классических и неклассических теоретических моделей общественного развития. Н.С. Автономова пишет: «Одной из наиболее плодотворных концептуальных схем, предназначенных для осмысления специфических особенностей современной рациональности, была типизация рациональности в терминах «классическое – неклассическое» [1].

Современное теоретическое естествоведение во все более серьезных масштабах обращается к проблематике неклассичности, нетрадиционности современного социального мышления, осмыслению перспектив новых философских теорий, концепций, метатеорий, которые могут стать парадигмами, соответствующими новой научной картине мира, новой культуре социального мышления. «Проблематика неклассичности сегодня переживает бурную эволюцию своего содержания. Она возникла в свое время как символ революционных перемен в основаниях физики, развиваясь в контексте действия космологических антропных принципов, возникающей синергетикой и системогенетикой, которые принесли с собой новый, неклассический креационизм без бога в основании современной науки как механизма постижения законов «самотворящей природы» [2].

В условиях умножения вариантов научного объяснения мира, его истории и современного состояния, традиционным стало полипарадигмальное видение общественного развития. «Хотя с некоторых пор мы привыкли приписывать научному знанию верховный социальный и эпистемологический статус, к которому добавляется привилегия судить о правоте иных убеждений, будет все же большим упрощением отбрасывать как иррациональное, эмоциональное и необоснованное всякое явление, к которому не приложимы стандарты научной рациональности. Допуская другие – социальные – стандарты в качестве столь же правомерных, философ смотрит на науку как на социальный институт и на научное знание как на социальную конструкцию» [3].

Будучи продуктом мыслительного эксперимента, идеализированные объекты классической теории представляют собой не только упрощение и схематизацию исследуемого объекта за счет абстрагирования от несущественных в определенном контексте свойств и отношений, но и его «доорганизацию» в процессе идеального конструирования, что затем сказывается на жизненнопрактических последствиях. При реализации конкретного социального проекта возни-

кает необходимость действовать так, будто классическая теоретическая схема и есть сам мир, а ее идеализированные объекты – реальные связи и отношения самой действительности. «Исходя из такой методологии, ищут такие абстракции, которые бы преодолевали противоречия. В качестве абстракций они действительно могут быть найдены, но при взаимодействии с действительностью вновь распадаются на части, противоречащие друг другу» [4]. Издержки процедуры абстрагирования социальной жизни проявляется в том, что в результате выделения единственной «истинной» причины всех социальных отношений следствием оказывается одномерность восприятия реальности.

Социальные теории классического типа, базируясь на принципе фундаментализма, всегда требовали ясности в способах или процедурах, обеспечивающих, безусловно, твердые, неоспоримые основания для знания: «Требование обоснованности и рациональности являются двумя фундаментальными, описательно-оценочными принципами, имманентными самой сути теоретичности знания» [5]. Считается, что наличие особого метода исследования является существенным признаком рационального как строго определенного и единственно возможного способа в разумном исследовании.

Современная методологическая ситуация в отечественном социальном познании характеризуется, скорее, инверсионной логикой смены классических исследовательских парадигм. На смену «классическому» марксизму приходит столь же «классический», т.е., основанный на сходных когнитивных предпосылках, дискурс классического либерализма, что приводит лишь к замене фундаментальных предпосылок социальной теории, падением в другие крайности, и не способствует творческому освоению новых подходов к анализу социальной реальности. «Поскольку капитализм у нас теперь «строится» как антисоциализм, вновь произошло переворачивание старой фетишистской формы – вера в объективность процессов, в историческое мессианство, в то, что «иного не дано», вновь утвердилась в сознании». На смену монополии универсальной познавательной схемы приходит плюралистическая методология, в рамках которой теоретический синтез классического типа дополняется неклассическими методами познания. «Нынешняя действительность настолько сложна, динамична и разнообразна, что невольно возникает сомнение в том, достижимо ли достаточно цельное восприятие современного мира в рамках понятийного аппарата и концептуального инструментария одной какой-либо теоретической традиции».

Осознание пределов адекватности социальной теории классического типа, акцент на социально-культурное многообразие требует более четкого понимания глубокой и устойчивой зависимости метода исследования социального объекта от его природы, структуры и специфики контекстуальных связей. «Классическая гносеология считала, что обыденное сознание и знание не связано с какой-либо отдельной сферой деятельности, но несет в себе представления, присущие всем людям в равной мере». Новый исторический социокультурный контекст создает иные, дополнительные предпосылки для становления новых принципов теоретизирования, поскольку мышления беспредпосылочного, ничего не предполагающего и никаким горизонтом не ограниченного не существует. Мышление всегда исходит из определенных, эксплицитных и имплицитных, анализируемых и принимаемых без всякого исследования предпосылок.

Становление в духовной культуре нового, неклассического типа рациональности, создает потребность в использовании новейших разработок культурологической, философской, а также методологической мысли в качестве инструмента анализа современной социальной жизни. Основой новых методологий оказывается исследование диалога социальных и культурных форм: «Фокус изучаемой реальности общества лежит не в сложившемся результате, например, в сложившейся структуре общества (что может рассматриваться как предмет философии) и не в сложившейся культуре (что может рассматриваться как предмет культурологии). Фокус перемещается в точку, где предметы философии и культурологии переходят друг в друга, где они аспекты сложного, динамичного знания об обществе, аспекты общества» [6]. Неклассическая рациональность в социальном познании – это характеристика способов взаимоотношения человека с миром, предполагающая признание ключевой роли субъекта в познании и деятельности, сознание которого изначально социально, исторически и культурно обусловлено. «Рациональность оказывается не статической характеристикой человеческой деятельности, но производной от исторического развития как выбора, осуществляемого социальным субъектом. Содержание понятия рациональности в такой интерпретации задается всей системой социально-временных координат».

Несмотря на спор между классическим и неклассическим подходом, классические представления не теряют своей эвристической ценности. Более того, упорядоченное, структуриро-

ванное пространство классики, налагаемое на разорванную целостность сегодняшнего дня, способно в ней увидеть ту связность, которую современность сама не находит. «Сегодня вполне очевидно то, что неклассическая социология не может быть представлена ни как некая социальная метатеория, ни, тем более, как отдельная социологическая парадигма. Она возникает на основе новых требований общественной практики, развития социального знания как некий стиль, культура социального мышления, в рамках которой рождаются и сосуществуют с классическими и неклассические социологические теории, парадигмы социологического знания».

Задача социокультурной методологии предполагается не в том, чтобы выяснить какая из предложенных трактовок «правильнее» – что и является выражением методологии абстрактного гносеологического субъекта, а в том, чтобы наиболее полно очертить семантическое пространство возможных смыслов, выявить границы относительности этих смыслов по отношению к различным социокультурным контекстам, т. е., определить семантическое пространство общественного согласия. Другими словами, социокультурная методология выполняет свою функцию лишь тогда, когда способствует улучшению социальной коммуникации. Социальный мир предстает как продукт всеобщего процесса возведения смыслов, и рассматривается главным образом как мир значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни. «Субъект познания с необходимостью предстает как целостность, включающая эмпирическое Я, «жизненный мир», и повседневность, тем самым преодолеваются упрощенные представления о чувственном познании как «низшей» ступени; осознается важнейшая роль «предзнания», допонятийных, дорациональных форм созерцания бытия, идет поиск понятийно-логических форм для выражения такого постижения в теории познания».

Резюмируя сказанное, можно сделать некоторые выводы.

1. Рассмотрение социальной теории как целостного социокультурного феномена позволяет обнаружить классические и неклассические механизмы её социокультурной обусловленности и социокультурной динамики. К числу основных социокультурных параметров, составляющих концептуальный каркас социальной теории, относятся исторические типы рациональности, специфика каждого из этих типов, механизмы преломления базисных положений в конкретных духовных образованиях.

2. Формирование культурцентристской стратегии в познании социальных процессов, предполагает построение социальной теории на принципах «неклассичности». В качестве специальных методологических средств, реализуемых социальной теорией неклассического типа, выступают принципы индивидуализации, понимания, интерпретации, поскольку неклассическая рациональность в познании социальных феноменов предполагает, что социальное исследование возможно только на основе включения теоретика в процессы информационного обмена и коммуникации в качестве его участника, следствием чего и является субъект-субъектная ориентированность методологии.

3. Социокультурной предпосылкой классической парадигмы социального знания явилось свойственная мышлению Нового времени вера в преобразовательные возможности человеческого разума, основанная на полагании объективности универсального миропорядка. Феноменологии социального мира, напротив, присуща установка на конститутивную универсальность субъективности. Социальная картина мира – это образец рационального повествования (нарратива), описания отдельных сторон общественной жизни, которые складываются в относительно целостный образ подобно мозаике.

4. Критерием научности в рамках классической познавательной установки является построение особой реальности идеализированных объектов, не доступных массовому сознанию рядовых участников социального процесса, что и обеспечивало неустранимый разрыв обыденного и теоретического сознания. Социальная феноменология не только не противопоставляет свои рассуждения здравому смыслу, но, напротив, полагает преемственность с ним критерием обоснованности социальной аргументации. Противопоставление научного социального знания обыденному уступает место исследованию предпосылок специализированного знания в повседневном жизненном мире.

5. Если классическая социальная теория стремится к максимальной строгости и однозначности своих понятий, то феноменологически ориентированная социальная методология исходит из того, что любое понятие обладает открытым горизонтом значений. И задача социального методолога состоит в прояснении этого горизонта путем выявления связи содержания понятий с непосредственно данным в опыте жизненным миром интересующих значений, обусловленных социокультурным контекстом.

6. Классическая социальная теория претендует на постижение «предельных оснований» своей предметной области, преследуя цель дать однозначные объяснения и столь же однозначные предсказания. Феноменология социального мира, напротив, герменевтична. Ее рассуждения не претендуют на то, чтобы однозначно предсказывать реальные события. Она ограничивается тем, что представляет некое множество событий в качестве возможных.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) – Т. 1. Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1997. С. 12.
2. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988. С. 67.
3. Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков. М., 2000. С. 6.
4. Цит по: Касавин И.Т. Сфера и границы научной рациональности: современные зарубежные дискуссии // Логика, методология и философия науки. Вып. 3. С. 91.
5. Аршинов В.И. Теория и жизненный мир человека. ИФ РАН. Сборник. Теория и жизненный мир человека / Ответственный редактор доктор философских наук В.Г. Федотова. М., 1995. 206 с.
6. Ивин А.А. Интеллектуальный консенсус эпохи / Познание в социальном контексте. М. : ИФРАН, 1994. С. 99.
7. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: антол. / Гл. ред., сост. С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995.
8. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с.

Literature:

1. Ahiezer A.S. Russia: Criticism of Historical Experience. (Sociocultural Dynamics of Russia). V. 1. Novosibirsk : «Siberian chronograph», 1997. P. 12.
2. Autonomous N.S. Reason, reason, rationality. M., 1988. S. 67.
3. Grigoriev S.I., Subetto A.I. Basics of non-classical sociology: new trends in the development of the culture of sociological thinking at the turn of the 20th and 21st centuries. M., 2000. P. 6.
4. Citation by: Kasavin I.T. Sphere and The Boundaries of Scientific Rationality: Contemporary Foreign Discussions / Logic, Methodology and Philosophy of Science. Vol. 3. P. 91.
5. Arshinov V.I. Theory and human life. IF RAN. Compilation. Theory and human life. Responsible / editor. Ph.D. V.G. Fedotov. M., 1995. 206 s.
6. Ivin A.A. Intellectual Consensus of the Era / Cognition in a social context. M. : IFRAN, 1994. S. 99.
7. Diltey V. Types of worldview and detection of them in metaphysical systems / Culture. 20th century: Antol. / Gl. Ed., sost. S.J. Levitt. M. : Lawyer, 1995.
8. Mannheim K. Generational Problem // Mannheim K. Essays of Sociology Knowledge: Generational Problem. Competitiveness. Economic ambition: Per. English. M. : INION RAN, 2000. 164 s.

**ФИЛОСОФИЯ УСПЕШНОСТИ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**THE PHILOSOPHY OF SUCCESS AS AN INTEGRAL COMPONENT OF
THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION**

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Konstantin A. Zenin

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, PhD student,
Nevinnomyssk state University
humanitarian and technical Institute
vladimirgrishai1969@mail.ru

Ширяев Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса,
Юридический институт,
Северо-Кавказский федеральный
университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander S. Shiryayev

Candidate of Law, Associate Professor
Department of «Criminal procedure»,
Legal Department Institute,
North Caucasus Federal University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Шатовкина Римма Викторовна

кандидат юридических наук, судья,
Новосибирский областной суд
vladimirgrishai1969@mail.ru

Rimma V. Shat'kina

Candidate of Law, Judge,
Novosibirsk state University regional court
vladimirgrishai1969@mail.ru

Тищенко Виктор Александрович

студент,
Российский государственный
университет правосудия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Viktor A. Tishchenko

Student,
Russian state University of justice
vladimirgrishai1969@mail.ru

Абрамов Сергей Валериевич

соискатель,
Северо-Кавказский социальный
институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey V. Abramov

Applicant,
North Caucasus social Institute
vladimirgrishai1969@mail.ru

Мусаев Алик Растамович

соискатель кафедры профессионального
обучения,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alik R. Musaev

Candidate of the Department of
professional education,
Nevinnomyssk state University
humanitarian and technical Institute
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация. Ограничивающие экономическое поведение людей правила и нормы базируются на привычках, стереотипах поведения, народных взглядах и предрассудках. Здесь научно обоснованные критерии успешности необходимы для определения последовательности действий, совершаемых людьми и устанавливающих то, что каждый может или не может, должен или не должен делать.

В статье исследованы интегральные компоненты социально-экономического развития региона, выделены методологические основы философского исследования параметров экономического районирования, сформулированы социальные принципы формирования ценностных установок межрегионального развития.

Ключевые слова:

социум, индивид, мотивация, регион, поведения, экономический рост.

Annotation.

The rules and regulations that restrict people's economic behaviour are based on habits, behavioural stereotypes, popular attitudes and prejudices. Here, evidence-based criteria for success are needed to determine the sequence of actions taken by people and establishing what everyone can, or cannot, should or should not do. The article explores the integral components of the socio-economic development of the region, highlights the methodological basis of philosophical study of the parameters of economic zoning, formulated social principles of the formation of values of interregional development.

Keywords:

society, individual, motivation, region, behavior, economic growth.

Не только окружающий мир, но и природное начало в самом человеке вызывают в нем личное отношение. Ограничивающие экономическое поведение людей, правила и нормы, базируются на привычках, стереотипах поведения, народных взглядах и предрассудках. Здесь научно обоснованные критерии успешности необходимы для определения последовательности действий, совершаемых людьми и устанавливающих то, что каждый может или не может, должен или не должен делать. По отношению к диалектике успешности, социальная философия фиксирует не только смену и противостояние различных концепций и методологических позиций, но и изменение самого понимания данного способа познания и осмысления человеком мира. Важнейшей характеристикой общественного производства при любых хозяйственных системах является категория экономического роста. В современной экономической теории под экономическим ростом обычно понимаются долговременные изменения естественного уровня реального объема производства, связанные с развитием производительных сил на долгосрочном временном интервале. В рыночной экономике стремление основных субъектов экономики к экономическому росту существует постоянно, независимо от того, какой уровень развития достигнут обществом. Производители постоянно стремятся к минимизации отставания производства от момента возникновения потребностей. Однако реальные условия производства далеко не всегда позволяют научно выверено реализовать потенциал роста.

Философия хозяйства ориентирована на то, что современное состояние экономики достаточно противоречиво. С одной стороны, уже достигнуты определенные положительные результаты. С другой, решение возникающих в процессе трансформации новых проблем на фоне сохраняющегося множества нерешенных вопросов, требует длительного периода времени и мобилизации внутренних ресурсов. Практически любая проблема, возникающая в процессе философского осознания экономики, самым тесным образом связана с теми или иными региональными факторами и условиями. Необходимость регионализации социально-экономической политики государства и смещение акцентов в проведении рыночных реформ на региональный уровень, объективно обусловлена спецификой государственного устройства России, природно-климатическими, геополитическими, демографическими особенностями ее регионов, неравномерностью их развития. Актуальным также является вопрос о степени и методах воздействия государства в формировании и развитии региональной структуры успешной экономики. Опыт десятков лет экономического развития стран – «рыночных лидеров», неопровержимо свидетельствует о том, что ни в одной из них не была допущена рыночная анархия в формировании региональных пропорций, развитии крупных городов, не были забыты малые народы, обитающие на территориях с экстремальными природными условиями.

В философском содержании цель состоит в том, что, имеющиеся методики и подходы по оценке потенциала экономики, необходимо адаптировать к условиям региона, дополнить собственными предложениями и исполнить в минимальные сроки с наименьшими затратами. Немаловажную роль в усовершенствовании отраслевой структуры производства играет установление взаимовыгодных экономических связей. Структурная политика непосредственно связана с проблемами экономической динамики в «сверхдлинном» периоде, когда изменениям

подвергаются основные институты власти, управления, объекты инфраструктуры, структурные взаимосвязи в экономике и в ее взаимодействии с внешней средой.

Знания в области эволюции социально-экономической мысли формируют у исследователя необходимую эрудицию и творческие навыки, которые позволяют ему свободно ориентироваться в проблемах философии труда, сравнивать альтернативные теоретические подходы и принимать самостоятельные решения по практической реализации актуальных социальных задач. Всестороннее познание и применение социальных резервов труда позволяет концентрировать усилия исследователей на подробном анализе возможностей работника в системе условий их реализации и определении путей согласования личных интересов с интересами общественными в процессе производственной деятельности.

Системный подход в определении успешности учитывает, что руководитель должен рассматривать организацию как совокупность взаимозависимых элементов, таких как люди, структура, задачи и технология, которые ориентированы на достижение целей в условиях меняющейся внешней среды. Здесь суть ситуационного подхода можно свести к двум философским тезисам:

- во-первых, не существует унифицированного эффективного управления во всех ситуациях;
- во-вторых, эффективность управления достигается, прежде всего, мобильностью и приспособляемостью к той среде (ситуации), в которой работает данная организация.

В данном контексте необходимо учесть и следующий момент. По-видимому, одновременно с повсеместным распространением принципов либеральной экономики и индивидуализма, мы приближаемся к той точке, с которой придется вести отсчет кризиса, – причем кризиса необратимого – этих же принципов. Приложение этих принципов предполагает конкуренцию не просто в экономической сфере, а за сам образ жизни и жизненные стандарты не просто в пределах какой-либо одной страны или региона, а в масштабах всей планеты. Согласно многим исследованиям, распространение только существующих на Западе жизненных стандартов хотя бы на большую часть планеты, чревато такой громадной перегрузкой на экологию и ресурсный потенциал планеты, что они могут просто не выдержать. Философски ориентированные положения современных разработок по искомой тематике могут, в соответствии с сущностью новых подходов, быть отражены в концепции «Менеджмент без иерархии», которая ставит цели:

- легитимизацию одностороннего распорядительства над ресурсами и информацией;
- деперсонализацию властных полномочий и отмена принципа «санкция» и «вознаграждение»;
- учреждение автономных групп с высоким потенциалом саморегулирования;
- утверждение гуманных ценностей и форм поведения взамен односторонней ориентации на экономический результат;
- учет экономических требований в принятии предпринимательских решений.

Ситуационный подход также фокусирует внимание менеджеров на отношениях между внутренней и внешней средой организации. Внешняя среда состоит из социальных, политических и экономических факторов, которые могут влиять на организацию. Согласно ситуационному подходу, менеджеры должны знать о взаимодействии между этими двумя средами. В социально-философской интерпретации, управление – это совокупность скоординированных мероприятий, направленных на достижение целей организации и отвечающих требованиям внешней и внутренней ситуации.

Ситуационный подход концентрируется на том, что пригодность различных методов управления определяется ситуацией. Не существует единого «лучшего» способа управлять организацией. Самым эффективным м в данной конкретной ситуации является метод, который более всего соответствует данной ситуации. Дополняющий его «процессуальный подход» рассматривает управление как непрерывную серию взаимосвязанных функций.

Литература:

1. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Суколов А.А. Этносоциология : Учебное пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 1998.
2. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 2007.
3. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен : Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 1996.

4. Проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов / Сборник статей. Под ред. О.И. Зотовой. Курган, 2008.
5. Пуляев В.Т. Российская экономика в контексте современных реформ // Социально-политический журнал. 2001. № 1.
6. Россия федеративная: проблемы и перспективы / Под ред. В.Н. Иванова. М. : ИСПИ РАН, 2001.
7. Ядгаров Я.С. История экономических учений : Учебник для вузов. М. : ИНФРА-М, 2008.

Literature:

1. Harutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology: Teaching manual for universities. M. : Aspect Press, 1998.
2. Galbraith J.K. Economic theories and goals of society. M. : Progress, 2007.
3. Medvedev N.P. Reassessing values as a social phenomenon: Autoref. Dis. Dr. Philos. Sciences. Stavropol, 1996.
4. Problems to improve the efficiency of production teams / Collection of articles. Under Ed. O.I. Sotova. kurgan, 2008.
5. Pulyaev V.T. Russian economy in the context of modern reforms // Social and political magazine. 2001. № 1.
6. Russia Federal: Problems and Prospects / Under Ed. V.N. Ivanova. M. : ISPI RAN, 2001.
7. Yadgarov J.S. History of Economic Teachings : Textbook for Universities. M. : INFRA-M, 2008.

**СИСТЕМНАЯ И ФАКТОРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ИЗМЕНЕНИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**SYSTEMIC AND FACTOR DETERMINATION OF CHANGES
IN LEGAL CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Курносенко Андрей Анатольевич
кандидат социологических наук, доцент,
начальник,
Главное управление экономической
безопасности и противодействия
коррупции МВД России
vladimirgrishai1969@mail.ru

Andrey A. Kurnosenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Main economic Department
security and anti-corruption,
Ministry of internal Affairs of Russia
vladimirgrishai1969@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич
доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры
общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Vladimir N. Grishai
Doctor of Social Sciences, Professor,
Professor of the Department of General
sanitary and natural Sciences disciplines,
Essentuki Institute
management, business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Киясханов Магомед Хизриевич
кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан
vladimirgrishai1969@mail.ru

Magomed H. Kalashnov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Representative of the MIA of Russia
in the Republic of Tajikistan
vladimirgrishai1969@mail.ru

Костюк Владислав Иванович
студент,
Российской государственной
социальной университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Vladislav I. Kostyuk
Student,
Russian state social University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Юрчевский Вячеслав Валерьевич
студент,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Vyacheslav V. Yurchevsky
Student,
North Caucasus branch
Russian state University justice
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация. Правосознание как более инертный элемент системы включается в процесс социальных изменений позже, чем иные элементы системы права и значительно позже, чем разнообразные системы социально-экономических отношений. В статье показывается, что осознание сущности процесса формирования и развития правосознания возможно только посредством учета многофакторности изменений, влекущих за собой количественно-качественные преобразо-

вания в исследуемой сфере духовного бытия. Подчеркивается, что правосознанию присущи такие неотъемлемые качества, которые могут оказывать существенное управленческое воздействие на правовую систему в процессе её постоянного совершенствования.

Ключевые слова:

межличностные отношения, правосознание, законы диалектики, социальные системы.

Annotation.

The rule of law as a more inert element of the system is incorporated into the process of social change later than other elements of the law system and much later than the various systems of socio-economic relations. The article shows that the realization of the essence of the process of formation and development of legal consciousness is possible only by taking into account the multifactory changes that entail quantitative-quality transformations in the researched sphere of spiritual existence. It is emphasized that the rule of law has such inherent qualities that can have a significant managerial impact on the legal system in the process of its continuous improvement.

Keywords:

interpersonal relationships, legal consciousness, laws of dialectic, social systems.

Сложность и противоречивость функционирования правосознания россиян обусловлена его зависимостью от различных социальных систем, также находящихся в переходном состоянии. Правосознание как более инертный элемент системы включается в процесс социальных изменений позже, чем иные элементы системы права и значительно позже, чем разнообразные системы социально-экономических отношений. Соотношение взаимодействующих социальных систем в условиях переходного периода показало, что правосознание развивается в меньшей степени, благодаря своим внутренним механизмам, в большей степени – под воздействием внешних условий. Это обуславливает его амбивалентность, широкий диапазон колебаний в диапазоне от правого нигилизма до правового конформизма. Индивидуальный и коллективный выбор правового ориентира в большей степени носит иррациональный характер, так как обыденное правосознание не в состоянии осмыслить специфику неустойчивого функционирования правовой системы в условиях масштабных социальных изменений.

В условиях переходного периода развития общества усиливаются случайные тенденции развития правосознания. Закономерность, следовательно – предсказуемость и управляемость его развития связывается с устойчивостью функционирования специализированного института формирования и развития правосознания – правовой социализации.

В качестве основного психолого-правового фактора, влияющего на изменение индивидуального и группового правосознания, представляются коллективно-психологические процессы. Коллективно-психологический фактор изменения правового сознания оказывает свое влияние через правовой менталитет. Анализ теоретических и эмпирических данных показал, что в правовом менталитете россиян юридические ценности не воспринимались и не воспринимаются до сих пор в качестве необходимых для его существования. Коллективно-бессознательный фактор, в целом, оказывая негативное воздействие на изменение правосознания россиян, одновременно изменяет правосознание в сторону принятия идеалов естественного права. Последние, в свою очередь, обладают в избранной демократической концепции общественного развития приоритетом над позитивным правом. Следовательно, правосознание россиян по ряду позиций ближе к идеалам правового государства и гражданского общества, чем действующая система позитивного права.

Социальные факторы процесса изменений в правосознании россиян всегда имеют ценностно-ориентированный характер. Но негативные изменения в системе социальных ценностей, констатированные на основе существенного массива эмпирических данных, не являются самостоятельным фактором изменения правосознания россиян. Господство рынка, фактическое признание общественного неравенства и противоречие этого неравенства с признанием приоритета гуманистических и демократических принципов развития общества, только обострили ранее существовавшее противоборство ценностей, которое и в прежние времена проецировалось на правосознание, являясь основой его противоречивости. Развитие внутренних противоречий в правосознании россиян, которые обусловлены различными социальными факторами, в условиях переходного периода развития общества наиболее рельефно проявилось в

развитии феномена социальной аномии, который был рассмотрен и как следствие противоречий в правосознании и как условие приращения этих противоречий. В условиях существенной стабилизации социальных отношений, произошедших за последние 2–3 года, тенденции развития социальной аномии сокращаются. Так происходит в силу того, что общество в структурном отношении приобрело более упорядоченный характер, довольно четко определились потенциалы различных социальных групп и страт в возможности удовлетворения своих растущих потребностей. В соответствии с такими изменениями, приходит все большее осознание того, на удовлетворение каких потребностей в рамках какого социального слоя можно рассчитывать. При этом действующее законодательство все более уверенно закрепляет ряд существенных социальных гарантий за той или иной социальной группой, а процесс их осуществления напрямую связывается с правомерными юридически-значимыми отношениями между личностью и обществом. При всем возможном несовершенстве правовых норм и механизмов их реализации, альтернатива выбора между правовыми и не правовыми средствами удовлетворения общественно-обусловленных потребностей теряет свою прежнюю актуальность.

Проводимые исследования показывают, что право, не удовлетворяя потребности людей, не способно быть ценностью, вне зависимости от уровня декларирования этой ценности. Следовательно, в рамках избранной демократической модели развития нет альтернативы обязательному соотношению правовых норм и тех потребностей, которые с их помощью удовлетворяются. Отсутствие этого соотношения, которое до сих пор имеет место в позитивном праве, во многом определяет амбивалентность изменений правосознания современных

Индивидуальное и массовое правосознание носит не просто социально-активный, но и управленческий характер, что привело к необходимости рассмотрения проблем управляемости самого правосознания, с помощью которого современная правовая политика в состоянии оптимизировать существующую систему социально-правовых отношений.

Необходимо признать, что оптимизация правовой системы будет успешной в случае обоснованного целями и ценностями современной демократии воздействия на процесс формирования и развития правовой социализации граждан России, то есть, осуществления такой правовой политики, которая будет направлена на удовлетворение возрастающих потребностей человека и гражданина. Непоследовательность и бессистемность правовой политики угрожает самому существованию правовой системы, однако, в настоящее время в условиях относительной стабилизации социальной системы современного российского общества, создано значительное количество предпосылок для определения важнейших ориентиров в правовой политике, одним из которых должно стать систематизированное управленческое воздействие на процесс формирования и развития правосознания.

В первую очередь, правовая политика в области совершенствования правосознания должна опираться на принципы и законы управления. В частности, закон необходимого разнообразия предполагает создание новых государственных и общественных структур, а также, оптимизацию существующих структур, занятых в сфере формирования и развития правосознания. Закон специализации предопределяет эффективность такого шага, как формирование специализированной государственной структуры. Такую структуру (государственную службу, осуществляющую работу по правовому образованию и воспитанию населения) необходимо создавать, учитывая, что существующие государственные структуры в настоящее время этот вид управленческой деятельности выполняют только в рамках своей юрисдикции. Закон интеграции управления также предопределяет необходимость формирования новой государственной службы правового образования и воспитания, которая будет в состоянии интегрировать усилия семьи, трудовых и учебных коллективов, правозащитных и иных общественных организаций в деле формирования и развития правосознания граждан. Нельзя исключать иного практического наполнения законов управления в целях управленческого воздействия на правосознание: важно то, что игнорирование указанных законов, которое очевидно наблюдается в наше время, существенно снижает возможность управления индивидуальным и массовым правосознанием, ставя под угрозу правовую политику современного российского государства, которая переживает стадию своего становления.

С целью определения эффективности системы, управляющей формированием и развитием правосознания, необходимо проанализировать такие её признаки как:

- детерминированность элементов, которая означает их четкую, определенную взаимосвязь и взаимозависимость;
- динамичность, которая предполагает способность формализованных или неформализованных институтов формирования и развития правосознания сохранять его управляемость;

– готовность социальной системы к осуществлению специфической социализационной деятельности и ряд других.

Специфика управления формированием и развитием правосознания состоит в отсутствии однозначной детерминационной связи между управленческим воздействием и результатом этого воздействия, подчеркнут уникальный характер кибернетической цепочки «право – правосознание – правовые отношения», в которой промежуточное звено, передавая управленческий импульс, само почти полностью сохраняет самоорганизацию.

В условиях развития правового государства и гражданского общества, приоритета общечеловеческих ценностей социальные методы управления (через воздействие на общность) становятся менее эффективными, чем социально-психологические (через воздействие на личность).

Эффективность управленческого воздействия на процесс формирования и развития правосознания в настоящее время определяется не тем, какой именно результат, на какой именно стадии совершенствования правосознания будет достигнуто, а тем, что это воздействие должно начаться как систематическая, научно-обоснованная деятельность под общим руководством государственных структур, при участии политических партий, различных общественных организаций. Реальные показатели эффективности можно будет подвергать анализу только тогда, когда возможным станет соотношение федеральных и региональных программ совершенствования правосознания и некоторых промежуточных результатов её реализации.

Рассмотрение проблемы эффективности управленческого воздействия на процесс формирования и развития правосознания показало необходимость и существенную значимость этой социально-правовой деятельности, которая нуждается в значительной оптимизации. Это, в первую очередь, связано с вопросами обеспечения безопасности современного российского общества от внутренних угроз. Одной из них является все более усиливающееся противоречие между действующим правом, идеалами правового государства и гражданского общества, а также, существующим уровнем правосознания граждан России. Разрешение этого трехстороннего противоречия возможно только путем активного организованного воздействия на правосознание граждан средствами государственной правовой политики, одновременно ориентированной и на изменение действующего права в соответствии с избранными демократическими идеалами.

Литература:

1. Аверьянова А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : учебник. М. : Проспект, 2008.
3. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М. : Мысль, 2006.
4. Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2.
5. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3.
6. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен : Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 1996.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1909.
8. Сорокин В.В. Право и время: правовая система в переходное время // Правоведение. 2002. № 1.

Literature:

1. Averyanova A.N. Systemic Cognition of the World. M., 1985.
2. Alexeyev P.V., Panin A.V. Philosophy : Textbook. M. : Prospect, 2008.
3. Aseyev V.G. Motivation of behavior and personality formation. M. : Thought, 2006.
4. Bayniyazov R.S. Law And Russian Legal Mentality // Law. 2000. № 2.
5. Bayniyazov R.S. Law Consciousness: Psychological Aspects // Law. 1998. № 3.
6. Medvedev N.P. Reassessing values as a social phenomenon : Autoref. Dis. Dr. Philos. Sciences. Stavropol, 1996.
7. Petrazhitsky L.I. Theory of Law and State in connection with the theory of morality. In 2 v. V. 1. St. Pb, 1909.
8. Sorokin V.V. Right and Time: The legal system in transition time // Law. 2002. № 1.

**СУБЛИМАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ**

SUBLIMATION OF CREATIVITY IN SOCIO-PHILOSOPHICAL ONTOLOGY

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук,
начальник управления процессуального
контроля и криминалистики,
Главное военное
следственное управление
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey V. Sypachev

Candidate of Social Sciences,
Chief Department of procedural control
and criminalistics,
Main military investigative Department
vladimirgrishai1969@mail.ru

Тищенко Александр Викторович

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander V. Tishchenko

Applicant,
Essentuki Institute
management, business and law
vladimirgrishai1969@mail.ru

Беляков Сергей Григорьевич

соискатель кафедры философии
и социологии,
Адыгейский государственный
университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Sergey G. Belyakov

Candidate of the Department of philosophy
and sociology,
Adygeya state University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander N. Korsakov

Applicant,
Essentuki Institute management,
business and law
ladimirgrishai1969@mail.ru

Костюк Анна Владимировна

студентка,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
vladimirgrishai1969@mail.ru

Anna V. Kostyuk

Student,
North Caucasus branch Russian state
University of justice,
vladimirgrishai1969@mail.ru

Сотский Александр Сергеевич

соискатель кафедры философии
и социологии,
Адыгейский государственный
университет
vladimirgrishai1969@mail.ru

Alexander S. Sotsky

candidate of the Department of philosophy
and sociology,
Adyghe state University
vladimirgrishai1969@mail.ru

Аннотация.

Истинная специфика личности и деятельности субъекта заключается не только в высоком уровне, так называемых, профессиональных знаний и умений, не столько в развитии соответствующих способностей, сколько в наличии совершенно особой мотивационно-смысловой структуры самой направленности личности.

В данной статье раскрывается проблема формирования и развития наиболее значимых личностно-профессиональных ценностных ориентаций индивида и группы. В качестве базовой, в системе сублимации творчества, выступает аксиологически насыщенная картина приоритетов ценности творческого труда, ценности успеха и ценности свободы.

Ключевые слова:

индивид, социальная сущность, творчество, социальные отношения.

Annotation.

The true specificity of the personality and activity of the subject lies not only in the high level of so-called professional knowledge and skills, not so much in the development of the relevant abilities, but in the presence of a very special motivational and semantic structure of the very direction of the personality. This article reveals the problem of the formation and development of the most significant personal-professional values of the individual and group. As the basic, in the system of sublimation of creativity, is an axiologically rich picture of priorities of the value of creative work, the value of success and the value of freedom.

Keywords:

individual, social essence, creativity, social relations.

В наше время обсуждаются проблемы понятий, самым тесным образом связанных с аксиологически решающим, но, одновременно и наименее исследованным звеном социально-философского подхода: диагностикой и формированием мотивационной готовности субъекта к его творческой, по своей сути, работе с людьми. Истинная специфика личности и деятельности субъекта заключается не только в высоком уровне, так называемых, профессиональных знаний и умений, не столько в развитии соответствующих способностей, сколько в наличии совершенно особой мотивационно-смысловой структуры самой направленности личности. При этом в современной трактовке базового для нас термина «направленность личности» обнаруживаются понятийные недоработки, несоответствия, проецирующиеся далее на другие термины, на саму понятийную основу научных исследований общества. Опыт показывает, однако, что эта, сугубо практическая задача, не может быть надежно решена без соответствующей разработки ряда теоретических и методических вопросов, накопившихся как внутри общей философии, так и в ее конкретных социально-практических приложениях.

«Философское познание выступает особым самосознанием культуры, которое активно воздействует на ее развитие. Генерируя теоретическое ядро нового мировоззрения, философия тем самым вводит новые представления о желательном образе жизни, который предлагает человечеству. Обосновывая эти представления в качестве ценностей, она функционирует как идеология. Но, вместе с тем, ее постоянная интенция на выработку новых категориальных смыслов, постановка и решение проблем, многие из которых на данном этапе социального развития оправданы преимущественно имманентным теоретическим развитием философии, сближает ее со способом научного мышления» [1].

Современные исследователи, в подавляющем большинстве случаев, предпочитают иметь дело не с направленностью (как целостной, личностной мотивационно-смысловой структурой), а с отдельными, выделяемыми иногда сугубо произвольно мотивами, как побудителями. И это, несмотря на то, что в реальной регуляции творчества многочисленные векторы направленности не просто складываются в некую равнодействующую силу, а образуют специфичную систему, которая организует всю социально-философскую картину личности, придает ей собственный облик.

В течение какого-то времени человек может быть направлен, например, вовсе не на деятельность, которая в любом варианте активна, а на пассивное безделье, на некое переживание или на что-либо еще, что трудно назвать какой-то социальной деятельностью. Вероятно, в силу такого положения дел, различные формы сублимации творчества человека – в его способностях, характере, сознании и самосознании, по-настоящему еще не систематизированы в социальной философии.

В этой связи, практическую важность приобретает, казалось бы, вполне теоретический вопрос о соотношении понятий «мотив» и «смысл», а точнее – вопрос о реальных связях тех социальных феноменов, которые данными терминами обозначаются. Термин «мотив» в современной литературе употребляется обычно лишь в связи с той или иной деятельностью, тогда как, по нашему мнению, его фактическое место в человеческом самоопределении много шире и разнообразнее по своим проявлениям. Не бывает, вероятно, деятельности без мотива, но вполне возможен (и думается, много чаще в реальной жизни) мотив без деятельности: до ее начала, после завершения, да и вообще вне прямой связи с ней. Такие, недействительные мо-

тивы, проявляются и реализуются не во внешнем бытии, но, непременно и по-особому структурируют общую мотивационно-смысловую картину творческой направленности человека. Такие мотивы могут и переживаться субъектом, и входить в его сознание, а поэтому – быть доступными объективному изучению и измерению в аксиологической теории.

Нужно полагать, соответственно, что в сублимации творчества есть также потребности, которые для своего удовлетворения не требуют никакой специальной деятельности, во всяком случае, в устоявшемся понимании последней. Эти потребности, разумеется, и предметны, и «находят себя» в мотивах, и как-то проецируются на смысловую структуру направленности человека, на весь облик его творческих ориентаций.

Планомерное изучение разнообразных потребностно-мотивационных феноменов – это путь к исследованию собственно субъективности социального отражения, индивидуальной субъективности, в целом, его живой пристрастности как зависимости от потребностей, мотивов, эмоций, смыслов. В этом контексте более полно раскрывается социальная суть понятия «мотив». В трактовке последнего главным, на наш взгляд, является понимание социально-психологических функций мотива. Чаще всего называют три из них: побуждение к деятельности, придание ей направленности (или векторизация деятельности), смыслообразование.

Побудительная функция мотива, которой он обязан своим появлением в системе социально-психологической сублимации творчества, является в действительности, скорее, описательной, метафоричной, нежели экспериментально-объективной и четко выделяемой на практике. В реальном исследовании сублимации творчества, у нас нет надежного критерия для обнаружения истинного побудителя, как источника того или иного процесса. О наличии побуждения говорят обычно постфактум, когда деятельность уже началась или, более того, уже завершилась. Но что происходило до ее начала? Каковы были мотивы потенциальные? Какой именно и почему победил? Такие вопросы, собственно, и являются предметными в философской рефлексии сублимации творчества. На них нет прямого ответа. Деятельность и мотив сопряжены отнюдь не по модели прямой детерминации, связи между ними не линейны. Ведь отсутствие деятельности, как говорилось выше, не означает непременно отсутствия мотива. Равно как и наличие деятельности нельзя рассматривать в качестве доказательства наличия одноименного мотива-побудителя.

«Иногда говорят, что если мотивом действия поступают телесные наслаждения или поддержание собственного здоровья, то это еще не человеческий, а, как бы, дочеловеческий уровень мотивации. Но дело не в том, что эти ценности имеют более низкий ранг в шкале человеческих ценностей, а в том, что снижение человеческого уровня мотивации происходит из-за абсолютизации – сознательной или неосознанной – данных мотивов. В этом нетрудно убедиться, если припомнить, какое огромное количество аморальных действий совершалось или могло совершаться из-за абсолютизации ценностей даже самого высокого ранга» [2].

Отметим, что измеримое, хотя и косвенное, изучение борьбы мотивов может осуществляться, в принципе, в контексте анализа проблем принятия решения. Однако, в любом случае необходимо уточнение, казалось бы, очевидной функции побуждения на уровне индивидуальной социализации. Ведь «побуждать» вовсе не обязательно означает «заставить». Существуют две возможные стадии реализации общей функции сублимации творчества:

а) потенциальная устремленность человека, наличная избирательная тенденция, как своеобразный вектор в определении развития сублимации при исследовании обстоятельств ее социально-философской рефлексии;

б) реализация приоритетной потенциальной устремленности, проявившаяся затем в наличии какого-то акта деятельности, т.е. процессуально обозначенной целенаправленной активности человека.

Отсюда ясно, что полный социально-философский анализ феномена сублимации творчества нужно производить, по крайней мере, в двух взаимосвязанных временных и событийных срезах: во-первых, что побуждало и, во-вторых, что побудило человека к конкретному действию.

«Начавшийся в рамках классической философии поворот к человеку справедливо связывают с Кантом. Из-за радикальности и далеко идущих последствий его сравнивают с коперниканским, хотя, по вектору это событие скорее антикоперниканское, ибо, если Коперник отправил человека вместе с Землей на периферию Вселенной, то Кант поставил их в центр познания. Субъект стал подобен солнцу – источником света. Зеркало превратилось в прожектор, при том, подвижный, ищущий, что бы осветить (высветить). Разум, полагал Кант, может познать только то, что сам создал. После этого познавательный подход к миру, при строгом употреблении слов, надо бы считать завершенным, так как его сутью является все-таки открытие, отражение в мыслях и описание в теории того, что есть – готового, несделанного, (unmade, как потом скажет Р. Рорти). Субъективность разрушает собственно (классическое) познание, и это происходит по мере превалирования в жизни людей практического преобразования реальности. В индустриальном обществе природа

рассматривается как материал для обработки, от мышления все больше требуется ответ не на вопрос «что», а на вопрос «как». Оно устремляется на изобретение артефактов, проектирование предварительно задуманного. Непосредственное знание о реальности, знание-репрезентация уходит в предпосылки «продуктивного воображения».

На первой стадии зарождается то, что обычно относится к категории социальных состояний. Здесь «работает», скорее, не мотив, а переживаемое состояние потребности в творчестве, т.е., своеобразный и мало изученный сплав ее (как субъективного состояния, отвечающего объективной необходимости), с широко понимаемой эмоцией (как переживаемым отношением к миру). Очевидно, что далеко не все, что пробуждает творчество человека, скрытно иницируя его поведение, приводит в реальности к какой-либо целенаправленной деятельности или даже, к элементарно выраженной активности. Что-то (и очень многое) может остаться внутри, проявившись, однако, в мотивационно-смысловых образованиях целостной структуры направленности человека. Эту часть общей функции сублимации творчества реализуют не только мотивы, по крайней мере – в традиционном их понимании.

Что касается второй, прагматически результативной стадии побуждения, когда осуществляются «запуск» и периодические «включения» деятельности, то эту функцию реализует также – не просто мотив (если понимать его как предметный образ того, что необходимо человеку), во всяком случае, не сам по себе. Реально побуждают взаимоотношения, взаимодействия мотива творчества с его субъективной, личностной значимостью, конкретные обстоятельства жизни людей.

Индивидуально выражаемое соотношение вопросов: «Что нужно?» и «Зачем нужно?», динамика возможных социальных противоречий выступает действительной причиной, реальной движущей силой человеческого поведения и деятельности. Поэтому важная проблема в исследовании проблематики сублимации творчества – это вовсе не рассмотрение вопроса: «Что нужно?», а специальное исследование всегда двусторонней его трансформации в вопрос субъективно-ценностный, личностный, в определенной степени, моральный: «Зачем нужно?».

Итак, обобщенную функцию творчества, объективно реализует, на наш взгляд, не мотив, как таковой. На потенциальной стадии это делают оценки в их иерархичных отношениях с мотивами. Тогда, как на результативной стадии, в том числе, и в переоценке, работают столь же динамично соподчиненные мотивы в их взаимоотношениях и противоречиях с личностной иерархией смыслов. В обоих случаях, необходимо специальное исследование всех групп иерархий, а также, их отношений, с целью выявления специфических мотивационно-смысловых структур направленности человека.

Заслуживает понятийного уточнения также функция придания направленности деятельности, относимая, обычно, к мотивации творчества. Нам представляется, что уже выбранную человеком и протекающую реально деятельность, далее направляет не просто мотив, а его практические взаимные связи с предметом деятельности, ее целями, задачами, средствами, результатами. Мотив, а точнее – иерархия мотивов, во всей своей социально-деятельностной выраженности, придает направленность не элементам творчества, а личности, в целом. Эти две направленности (деятельности и личности), несомненно, связаны, но, как говорилось, отнюдь не идентичны. Они описывают различные феномены реальной жизни личности: план поведения и план сознания, объективный мир и мир субъективного в человеке.

В этой связи, отождествление в схемах творчества предмета деятельности и мотива (предмета потребности), представляется нам упрощением весьма существенным и к тому же – достаточно распространенным в практике социальных исследований. Ведь, если предмет и мотив деятельности по определению совпадают, то что-то одно из них можно просто не рассматривать, исключить из социального анализа. Например, при изучении мотивации творчества, почти традиционно не исследуется предметная сторона деятельности. Или, напротив, тщательно анализируя предмет деятельности, социальная философия, как правило, оставляет в стороне мотивационные ее аспекты. Фактически, из теории, как бы, изымается одно из этих понятий, а отсюда возникают упущения и ошибки не только терминологические, но и методологические.

Подчеркнем, что во многослойной концептуальной схеме таких прямых ошибок, конечно, нет. Они распространяются при переносе частных схем сублимации творчества на практику, так как аксиоматическое утверждение тождества предмета и мотива в деятельности, по нашему мнению, чрезмерно упрощает и обедняет как раз реальную методикой исследований творчества, особенно, в области социологии мотивации. Совпадение мотива (что нужно?) и предмета (что делается?) оказывается лишь частным, редкостным, слишком благополучным вариантом деятельности. Когда человек делает именно (и только) то, что ему субъективно нужно (предмет-мотив), и именно (только) потому, что достигает при этом и субъективно, и объективно востребованного. Такие равенства представляются нам излишне прагматичными. Из деятельности, по сути, исключен живой человек с его сомнениями, переживаниями, направленностью, оценкам.

По отношению к творчеству, понятие «потребности» можно, конечно, назвать «абстрактом», но не в большей степени, чем любое другое научное понятие, которое, дабы быть обобщенным, всегда, так или иначе, отвлекается от конкретности. Следует признать, что предметно незаполненных потребностных состояний у человека просто не бывает. Другое дело, что предмет – это не обязательно вещь, да и уровень конкретизации предмета потребности может быть различным. Потребность в творчестве, как уже отмечалось, может и не иметь вовсе прямой связи с предметной деятельностью, но быть при этом совершенно конкретной с точки зрения социальной философии.

Во всякой реальной человеческой деятельности, между предметом ее и мотивом, нет ни тождества, ни полного разъединения. В личностном своем существовании они, по-своему, взаимодействуют, как-то соотносятся, вступают в возможные противоречия и т.п. Как показывает проведенный анализ, термин «предмет деятельности» используется в философии также далеко не однозначно, поскольку теоретически это понятие разработано многомерно, хотя само свойство предметности деятельности, да и других социальных процессов и состояний, нам представляется, в основном, бесспорным.

Подчеркнем, что и предмет, и мотив сосуществуют не только в процессе реализации творческой деятельности, находясь в разных сочетаниях и отношениях, имея различные социальные проявления. Одно дело, например, предмет деятельности, другое – предмет потребности, третье – предмет желания и т.п. Но есть и необходимо общее: предмет деятельности, так или иначе, участвует в формировании какого-то вектора творческой активности, в оформлении его избирательности. При этом становится понятным, что и мотив социальной деятельности, со своей стороны, не идентичен, например, мотиву социального переживания. Однако общим остается ответ на философские вопросы: Что человеку нужно? Кому действовать, а кому, например, глубоко мечтать? обществу нужно принимать и исследовать, по возможности, все реально существующее.

В заключении хотелось бы отметить, что социальная детерминация личной жизни и ее индивидуальная самобытность, неповторимость и уникальность, ее материальные и духовные основания должны изучаться, прежде всего, с позиций теоретических определений сублимации творчества. Установки творчества – это, по сути, осознанные состояния социальной мотивации. В свою очередь, идеология и практика сублимации творчества – это один из наиболее вероятных путей преодоления надвигающихся на человечество проблем и кризисов.

Литература:

1. Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 14.
2. Агацци Э. Ответственность – подлинное основание для управления свободной наукой // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 37.
3. Барбасов А.В. Утопия и теоретическое исследование будущего // Философские науки. 1990. № 4. С. 30.
4. Аверьянова А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
5. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : Учебник. М. : Проспект, 2008. 390 с.
6. Добраев Л.П. К постановке проблемы оценивания в психологии // Проблема оценивания в психологии. Саратов : СГУ, 2004.
7. Кравченко И.И. Общественный кризис XX века и его отражение в ряде западных концепций // Вопросы философии. 2001. № 8.
8. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. М. : Политиздат, 2003.

Literature:

1. Stepin V.S. Philosophy and Images of the Future // Philosophy Issues. 1994. № 6. P. 14.
2. Agazzi E. Responsibility is the true basis for the management of free science // Philosophy issues. 1992. № 1. P. 37.
3. Barbasov A.V. Utopia and theoretical study of the future // Philosophical sciences. 1990. № 4. P. 30.
4. Averyanova A.N. Systemic Cognition of the World. M., 1985.
5. Alexeyev P.V., Panin A.V. Philosophy : Textbook. M. : Prospect, 2008. 390 p.
6. Doblavev L.P. K staging the problem of evaluation in psychology / The problem of evaluation in psychology. Saratov : SSU, 2004.
7. Kravchenko I.I. The public crisis of the 20th century and its reflection in a number of Western concepts // Issues of philosophy. 2001. № 8.
8. Magun V.S. Needs and Psychology of Social Activity personality. M. : Politizdat, 2003.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В АСПЕКТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RHETORICAL STRATEGIES IN THE LEGAL LINGUISTICS ASPECT

Велиев Захид Бахшалы оглы

Ростовский государственный
экономический университет
saleks1966@mail.ru

Zahid B. Veliev

Rostov State University of Economics
saleks1966@mail.ru

Аннотация. Владение или не владение литературным языком в современной России не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Обозначим это явление как проблему множественности элит. Изменения, которые привели к языковой неряшливости, касаются не только изменений в языке (скажем, в лексической системе), но и, в первую очередь, изменений в преобладающих речевых стратегиях, которыми пользуются носители языка. В статье отмечается, что культурное пространство в современной России характеризуется неоднородностью языкового сообщества с точки зрения владения литературным языком; значительностью изменений, происшедших в русском языке в новой общественно-политической ситуации на постсоветском пространстве и выдвиганием на роль языкового авторитета СМИ.

Ключевые слова:

языковые нормы, экология языка, культурное пространство, риторические стратегии, юридическая лингвистика.

Annotation.

Possession or lack of ownership of the literary language in modern Russia is not strictly connected with the social structure of society, with the presence of a specially allocated cultural elite. Let us define this phenomenon as a problem of plurality of elites. The changes that have led to language sleazyness are not only about changes in language (say, in the lexical system), but also, above all, changes in the prevailing speech strategies used by native speakers. The article notes that the cultural space in modern Russia is characterized by the heterogeneity of the language community in terms of literary language proficiency; significant changes that took place in the Russian the ek in the new socio-political situation in the post-Soviet space and the nomination to the role of the language authority of the media.

Keywords:

language norms, language ecology, cultural space, rhetorical strategies, legal linguistics.

Русский язык переживает период кризиса. Следует признать неоднородность языкового сообщества в отношении владения литературным языком и бесструктурность языкового сообщества. Владение или не владение литературным языком в современной России не связано жестко с социальной структурой общества, с наличием особо выделенной культурной элиты. Обозначим это явление как проблему множественности элит. Изменения, которые привели к языковой неряшливости, касаются не только изменений в языке (скажем, в лексической системе), но и, в первую очередь, изменений в преобладающих речевых стратегиях, которыми пользуются носители языка. Иными словами, неряшливость – не следствие появления новых слов и реалий, не следствие скорости протекания инновационных процессов, а один из постулатов современной коммуникативной стратегии. В этой стратегии высоко ценится новизна и креативность, но низко оцениваются точность и правильность, а также ясность, что вызывает конфликт не только с ортологией, но и с риторикой, если понимать последнюю в аристотелевском смысле. С этим явлением связана проблема отношения носителей языка к норме. Это, разумеется, центральная проблема и, анализируя ее, нужно поставить вопрос о том, совпадает ли распространенная интерпретация

отношения носителей языка к норме (коммуникативная гибкость нормы как свидетельство высокого уровня развития языка) с реальным отношением говорящих и пишущих к правильности и чистоте речи.

Выдвижение на первую роль СМИ – самостоятельная и очень важная проблема. Ее глубокая постановка, на наш взгляд, не сводится к проблеме квалифицированных корректоров. Речь должна идти о том, что норма, задаваемая средствами массовой информации, – иная по своей природе, чем норма, поддержанная авторитетом художественной литературы. Причем язык Интернета, письменных и устных СМИ имеет в этом отношении (в характере задаваемой нормы) свои особенности.

Необходимо отделить факторы, специфичные для российской действительности, от факторов транснациональных, связанных с общими культурными и информационными процессами в современном мире, связанными с общим климатом эпохи постмодернити. И те, и другие факторы, бесспорно, влияют на ситуацию с литературной нормой, но они требуют отдельного рассмотрения. Следует заметить, что именно отношение к норме в обществах постмодернити способно объяснить многое из того, что происходит сегодня, и создать ясное представление о том, что мы имеем дело не с техническими проблемами вроде подготовки квалифицированных кадров, а с особой культурной парадигмой. Это выделяет в проблеме отношения к норме вообще проблему отношения к норме в обществах постмодернити.

В обществах эпохи постмодернити деформации подвергается не только языковая норма, но и нормы этики, отношения государства и индивида и т.п. Совершенно ясно, что в такой ситуации, с одной стороны, это обуславливает индивидуальное языковое экспериментирование, а с другой – снижает ощущение коллективной ответственности за сохранность языка в целом, в нашей терминологии, за гомеостат языка. Нетрудно увидеть в обоих проявлениях наиболее характерные черты ситуации, складывающейся вокруг языковой нормы. Индивидуальное экспериментирование – это активно изучаемое сегодня явление. Отсутствие коллективной ответственности за язык скорее осуждено публицистически, чем осмыслено научно. В нем принято отмечать частные моменты, вроде падения культуры редакторско-корректорской работы и связывать его со скоростью российских «перестроечных» процессов. Тем самым, во-первых, смешиваются национальная и временная специфика развития языка, во-вторых, игнорируются глубинные культурные процессы. Тем самым в современном описании нормы оказывается упущенным глобальный лингвофилософский аспект.

Вместе с тем, процессы, о которых идет речь, достаточно серьезны и ставят ряд проблем, в том числе даже выходящих за рамки языка. Ведь расшатывания грамматики – а несуммируемые слабо типизируемые эксперименты при безразличии к целому и есть расшатывание грамматики – ведут к расшатыванию логики. С глобальными процессами, происходящими в современных обществах, связана и проблема плюрализма элит, имеющая прямое отношение к изменениям в нормативном процессе.

Множественность элит (политических, экономических, интеллектуальных, спортивных, артистических и пр.) создает ситуацию, в принципе отличную от жизни сословных обществ, в недрах которых и формировались литературные языки. В настоящее время указать на элиту, чей язык признавался бы образцовым, достаточно сложно. Политическая элита не была в этом отношении авторитетной с советских времен. Над речевой манерой «вождей», т.е., руководителей партии и государства, выступавших в печати, по радио, а затем и по телевидению, втихомолку посмеивались. Эта речь была постоянной темой анекдотов, обыгрывалась в мемуарах, опубликованных в постсоветское время. Авторитетность финансовой элиты также сомнительна в свете многочисленных анекдотов о «новых русских», где высмеивается все: от речевых манер до жестового поведения. Остается критерий образованности, на основании которого пытаются даже построить само понятие «литературный язык».

В наше время становится все более очевидным, что уровень полученного образования (тем более без учета его качества) является всего лишь формальным критерием, не гарантирующим ни корректности использования литературной нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Рост численности действительных носителей литературного языка в настоящее время существенно отстает от роста численности лиц, практически пользующихся этим феноменом, особенно в публичной коммуникации. Сниженное или же неустойчивое знание литературной нормы приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что, с одной стороны, несомненно, делает лабильной литературную норму; с другой – побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов. Приходится иметь дело с текстами, значительно отличающимися от действующей литературной кодифика-

ции. Эффект «обманутого ожидания» в отношении корректного текста можно рассматривать и как глобальный процесс, т.е. на макроуровне. Огромное количество интенциональных нарушений нормы, массовые игры со словом, обыгрывание грамматических форм порождают иллюзию того, что создан некий «текст культуры», где зрелый язык, переживающий расцвет своего совершенства, демонстрирует свои огромные возможности, раскрывает свои потенции. Однако «текст современной культуры» на большинство современников такого впечатления не производит. Напротив, жалобы на падение речевой культуры стали приметой нашего времени.

Отсутствие языковой элиты, на роль которой пока реально претендуют только телеведущие, приводит к тому уже отмеченному выше факту, что «говорить правильно перестало быть престижным». Ситуация вокруг предполагаемой реформы орфографии и ортологии показала, помимо всего прочего, и уровень общественного авторитета самих лингвистов в вопросах нормирования языка.

В современной коммуникативной ситуации происходит сближение языковых и риторических норм сразу по двум линиям: смешение самих норм и отождествление двух принципиально различных типов нормы, т.е. происходит нечто, что можно обозначить как «риторизация нормы» [11; 12; 13].

Современные исследователи разных толков воспроизводят известное рассуждение о том, что нарушение нормы – это, в то же самое время, создание новой нормы. Такой подход полностью соответствует риторическому, с той лишь разницей, что последний имел в виду именно нарушение грамматической нормы и, что очень важно для нас, имел свой собственный, адекватный своим задачам, механизм задания «другой» нормы – кодификацию риторической нормы.

Риторика искони занималась приспособлением грамматических аномалий к своим целям. Норма, «варьирующаяся от случая к случаю», есть языковая норма, которая сначала через представление о стилевой дифференциации, а затем через ситуативную дифференциацию дрейфует в сторону риторической нормы. Ортологический критерий правильности сменяется на риторический критерий эффективности. «Темп обновления» – это не просто скорость инноваций, но, с нашей точки зрения, своеобразное «триумфальное шествие» риторической нормы по уровням языка (от лексики – к грамматике). Варьирующиеся ситуативно нормы оказались ослабленными и «все более вариативными», что, с нашей точки зрения, не просто меняет стилистические градации, но разрушает саму стилевую дифференциацию.

Любопытно отметить и другое: история литературных языков знала и обратный процесс – грамматикализацию риторических норм. Грамматикализация риторической нормы, будучи доведена до определенного предела, приходит в противоречие с литературной практикой, а риторика превращает в непопулярную дисциплину. Именно так случилось в первой трети XIX века в России. По-видимому, нечто подобное происходит и с риторизацией языковой нормы. Ортологическое мышление в крайних своих проявлениях и при перенесении на чужую почву вредит словесности [7; 10; 14]. Точно так же риторическое мышление, активно вторгаясь в чужую область, приносит больше вреда, чем пользы. Экспансия риторической нормы, в частности, затрудняет обучение родному языку.

Плюсом современной языковой ситуации является разнообразие речевых масок, жанров, стилей. Но, с другой стороны, отсутствие владения разными стилями, жанрами и регистрами общения, что ставит под сомнение категорию «разнообразия» и наводит на мысль о хаосе. Разнообразие структурировано, а употребление масок и стилей напоминает стохастический процесс.

Можно отметить смену ориентиров при кодификации: от правильности к уместности. В современных речевых условиях вопрос о нормативности все чаще уходит из поля кодификации: понятие *правильности/неправильности* заменяется понятием *уместности/неуместности*. А это не задается нормативными словарями с разного рода пометами типа «разг.», «просторечн.», «устар.», «поэтич.», «неценз.» и т.п.

Сдвиг нормы по линии «правильность – уместность» часто воспринимается сегодня как явление положительное: чем более развит язык, тем больше разнообразие вариантов, т. е. выше уровень дифференциации. В современном обществе нормы рассматриваются не как жесткие правила, разрешающие или запрещающие какое-либо употребление, а как допустимые, возможные, уместные, целесообразные реализации языковой системы, при этом критерий «правильное / неправильное» чаще заменяется на «уместное / неуместное», «актуальное / неактуальное», «оправданное / неоправданное» в определенной коммуникативной ситуации.

Следует признать, что такой сдвиг, безусловно, существует, но оценивать это явление как положительное не стоит. Способность дифференцировать варианты существует в значи-

тельной степени виртуально, в сознании лишь тех носителей литературного языка, кто владеет им в полной мере. В обстановке же отмеченной неоднородности языкового сообщества речь идет не о тонких различиях, а о не востребуемых различиях, проявляющихся спонтанно и не ведущих к гибкости и дифференциации в употреблении языковых средств.

Мы считаем, что в современной ситуации следует говорить о языковой гетерогенности, объясняемой особенностями культуры с множественностью элит и со свойственными им сленгами. Множество ситуативных контекстов, в которых нарушение нормы оправданно, не поддается типизации, является принципиально незамкнутым и континуальным, что в корне отличает ситуацию от функционально-стилистической дифференциации (основанной на уместности). В то же время, количество функциональных стилей вместе с их подстилями не составляет и полутора десятков единиц.

Риторизация нормы – глобальный процесс, безусловно, имеющий оборотную сторону. Толкование ситуативной нормы как развития нормы стилистической затемняет, с нашей точки зрения, понимание этого процесса.

Сознательные нарушения нормы, актуализирующие эту норму в сознании тех, кто ею владеет (!), сочетаются с массовыми проявлениями языковой небрежности, которые, в конечном счете, делают сознательные отклонения от нормы нефункциональными. Традиционное рассмотрение койне как основы литературного языка отражает данные истории, но не может использоваться в отношении прогнозов на будущее. Характерно, однако, что сам термин «койне» в современной социолингвистике получает расширенное толкование. В этом мы видим принципиальную возможность и готовность рассмотрения феномена койне как стадии, не только предшествующей литературному языку, но и, возможно, наследующей ему.

Так или иначе, язык СМИ со всеми своими достоинствами и недостатками, хотим мы того или нет, становится эталонным, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом. Нормы, задаваемые СМИ, ближе к риторической норме [1; 3; 5]. Если же их рассматривать с точки зрения нормы языковой, то, скорее, можно говорить об обновленных нормах народного языка (или информационного койне, преодолевающего диалектные различия), чем о нормах литературного языка [4; 6]. «Живыми», т.е. сохранными нормами сегодня являются риторическая норма и норма массового, «народного» языка [8], опирающаяся на системную норму русского языка и сильно размытую литературную норму.

Необходимо уяснение современной языковой ситуации и планомерное окультуривание русского коммуникативного пространства. Нелепо полагать, что язык подобен устройству вроде будильника, заранее запрограммированному на те, или иные изменения, которые происходят вокруг [2; 9]. Языку приходится выживать, и выживание это имеет пределы, о чем свидетельствует феномен мертвых языков.

Литература:

1. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г., Беляева И.В. Юридическая риторика. Учебник. М. : Норма-Инфра, 2014. 287с.
2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. М. : Флинта-Наука. 2016. 180 с.
3. Брусенская Л.А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования // Философия права. 2011. № 15 (48). С. 15–20.
4. Брусенская Л.А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права. 2010. № 4. С. 82–86.
5. Брусенская Л.А. Лингвоюридические аспекты современной коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. С. 111–115.
6. Брусенская Л.А. Заимствование «чужих» культурных идеалов в современной России // Философия права. 2012. № 3 (52). С. 49–53.
7. Брусенская Л.А., Фролова Н.Н. Языковая экспликация экономических отношений: бренды в экономическом дискурсе // Язык и речь в синхронии и диахронии. Материалы V Международной научной конференции. Таганрог, 2014. С. 135–138.
8. Куликова Э.Г. Категоризация выбора места ударения в системе русского словообразования (имена существительные) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1996. 21 с.
9. Куликова Э.Г. Языковая и правовая норма в современной России: функциональное и структурное сходство // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. С. 500–509.

10. Куликова Э.Г., Светличная Н.О. Социальная информация и аббревиатуры // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России. Ученые записки. Вып. 6. Ростов н/Д, 2008. С. 169–177.
11. Куликова Э.Г. Культурная парадигма эпохи постмодернити: языковая норма // Философия права. 2010. № 3 (40). С. 37–42.
12. Куликова Э.Г. Культурное пространство современной России: проблема языковой небрежности и неадекватных образцов // Философия права. 2012. № 3(52). С. 53–58
13. Куликова Э.Г. Массовая коммуникация в современной России: норма в лингвистике и паралингвистике // Философия права. 2012. № 1. С. 82–85.
14. Куликова Э.Г. Прецедентные тексты: лингвистика и право, категория вариантности и отклонение от нормы // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 39–43.

Literature:

1. Brusenskaya L.A., Kulikov E.G., Belyaev I.V. Legal rhetoric. Tutorial. M. : Norma-Infra, 2014. 287 p.
2. Brusenskaya L.A., Kulikova E.G. Environmental Linguistics. M. : Flint-Science, 2016. 180 p.
3. Brusenskaya L.A. Legal regulation of the language: Russian language in the field of legal functioning // Philosophy of law. 2011. № 15 (48). P. 15–20.
4. Brusen L.A. Gender as a sociocultural construct: conditions of communication // Philosophy of law. 2010. № 4. P. 82–86.
5. Brusenskaya L.A. Lingvoirdic aspects of modern communication // Legal Policy and Legal Life. 2011. P. 111–115.
6. Brusenskaya L.A. Borrowing «foreign» cultural ideals in modern Russia // Philosophy of Law. 2012. № 3 (52). P. 49–53.
7. Brusenskaya L.A., Frolova N.N. Language expdication of economic relations: brands in economic discourse // Language and speech in synchrony and dichronia. Materials V International Scientific Conference. Taganrog. 2014. P. 135–138.
8. Kulikova E.G. Categorization of the choice of the place of stress in the system of Russian word formation (names of nouns) : author's thesis of the Ph.D. philological sciences. Rostov-on-Don, 1996. 21 p.
9. Kulikova E.G. Language and legal norm in modern Russia: functional and structural similarity // Social and humanitarian knowledge. 2008. № 8. P. 500–509.
10. Kulikova E.G., Svetlyna N.O. Social Information and Abbreviations // Evolution of state and legal institutions in modern Russia. Scientists note. V. 6. Rostov n/D, 2008. P. 169–177.
11. Kulikova E.G. Cultural paradigm of postmodernity epoch: language norm // Philosophy of law. 2010. № 3 (40). P. 37–42.
12. Kulikova E.G. Cultural space of modern Russia: the problem of linguistic negligence and inadequate samples // Philosophy of Law. 2012. № 3(52). P. 53–58
13. Kulikova E.G. Mass communication in modern Russia: the norm in linguistics and paralingvisics // Philosophy of law. 2012. № 1. P. 82–85.
14. Kulikova E.G. Precedent texts: linguistics and law, category of variant and deviation from the norm // Philosophy of law. 2013. № 3 (58). P. 39–43.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 20.06.2018

Подписано в печать 25.06.2018

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 1893

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com